

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Бархатный
губернатор

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Бархатный губернатор

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Бархатный губернатор / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Убиты один за другим трое кандидатов в губернаторы Ставропольского края. Расследовать преступления поручено старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации А.Б.Турецкому. Ему и его друзьям и коллегам из правоохранительных органов противостоят мафиозные структуры, поддерживаемые миллиардными суммами и высокими должностными лицами.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
ПАРТИЯ ШЕСТИСОТ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фридрих Евсеевич Незнанский

Бархатный губернатор

Часть первая

ПАРТИЯ ШЕСТИСОТ

Кандидат в губернаторы края Федор Степанович Супрун, разумеется, был наслышан об убийствах, избиениях и похищениях людей его уровня. Но что подобное произойдет с ним, не мог и предположить. Просто не укладывалось в голове! Никому он не желал зла и не сделал ничего плохого, наоборот, всегда старался помочь любому человеку. Так было в молодые годы, когда он работал агрономом, так было, когда он занимал уже крупные хозяйственные должности. Строил дома, коттеджи, выбивал кредиты, квартиры выделял не чиновникам и не за взятки, а простым людям. И всегда зарплату выплачивал вовремя. Федор Степанович любил и уважал людей, и они, оценив это, выразили доверие и выдвинули его кандидатом в губернаторы.

И вот кандидат в губернаторы Супрун исчез из подъезда собственного дома около двенадцати часов ночи с субботы на воскресенье. Случилось это так.

– Приехали, Федор Степанович, – сказал водитель, останавливая машину у подъезда.

– Спасибо.

– Проводить? – спросил охранник, открывая дверцу.

– Не стоит.

– Свет-то не горит, – кивнул на окна дома охранник.

– Жена и дети на даче. До завтра, ребятки!

– Мы подождем.

– Хорошо.

– Не забудьте, Федор Степанович, включить, выключить и снова включить свет.

Супрун помахал рукой и вошел в подъезд.

Минуты через три-четыре окно кухни в квартире озарилось светом, потом снова стало темным и вновь засветилось.

– Порядок, – сказал водитель.

– Поехали, – помедлив, ответил охранник.

Ни водитель, ни охранник, естественно, не могли знать, что свет на кухне включал и выключал вовсе не Федор Степанович Супрун, а молодой человек в милицмейской форме. Он встретил Федора Степановича на выходе из лифта, приветливо улыбнулся:

– Добрый вечер.

– Добрый...

К Федору Степановичу тут же подлетели два парня в штатском, сноровисто прошлись руками по одежде.

– Пустой, – сказал один из них.

– Ну и прекрасно, – ответил молодой человек и пригласил Супруна в собственную квартиру, возле открытой двери которой стояла женщина: – Прошу!

– Замок-то бельгийский, – ни к селу ни к городу заметил Федор Степанович.

– Да, – согласился молодой человек. – Очень хороший замок. Проходите, Федор Степанович.

Зайдя в прихожую, Супрун привычно снял ботинки, надел тапочки и направился на кухню, но молодой человек остановил его:

– Не беспокойтесь. Мы справимся сами. А вдруг вы нажмете выключатель три раза?

– Лихо, – проговорил Федор Степанович. – Не ожидал.

– Чего вы не ожидали?

– Не ожидал, – повторил Супрун, останавливая взгляд на женщине. – Ладно вы...

Мужики. А девушку для чего приплели?

– Для уюта, – усмехнулся милицейский. – Вы небось голодны, Федор Степанович?

– Голоден.

– Вот она и приготовит. Холодильничек разрешите открыть?

– Открывайте.

– Здесь не только закуска найдется, но и выпивка, – открывая холодильник, сказал милицейский. – Что будете? Вино, водку?

– Водку.

Молодой человек достал бутылку водки, два фужера.

– А они что, столбы телеграфные? – кивнул Супрун на парней.

– На работе не пьют.

– А ты почему пьешь?

– А мне можно.

– Наливай полный.

Супрун выпил, крепко потер лицо ладонями.

– Закусывайте, Федор Степанович, закусывайте! Колбаска, балычок, икорочка...

Неплохо живут кандидаты в губернаторы!

– Пусть второе разогреет твоя уютная, – приказал Федор Степанович.

– Особо засиживаться нам некогда, но горяченького поесть успеем. Разогрей-ка, Маша.

– Некогда засиживаться, – повторил Супрун. – Ну, выкладывайте, с чем пожаловали.

Кому обязан такой честью?

– А вы не догадываетесь?

– Я, милый человек, не только догадываюсь... Я точно знаю.

– Тогда для чего лишние вопросы?

– Хочу из твоих уст услышать.

– По-моему, Федор Степанович, вы совершенно не понимаете своего положения...

– Понимаю, милок, понимаю. Приказано тебе живым меня доставить. А иначе ты рассоливать бы со мной не стал. Пулю в лоб, и до скорого! Приказ держит.

– Верно подметили. Держит.

– Знаешь почему?

– Хотелось бы послушать.

– Побаивается меня нынешний губернатор Колесниченко Николай Михайлович.

– Губернатор вроде не из трусливого десятка...

– Это верно. Но все-таки убраться меня не решился. Люди не простят.

– Вам налить? – перевел разговор милицейский.

– Полный. – Супрун посмотрел на погоны молодого человека, усмехнулся. – Ты бы хоть майорские надел... А то старлей! Жидковато...

– А вы, Федор Степанович, как будто тоже не из трусливого десятка.

– Кому суждено быть повешенным, того не расстреляют.

– Ваше здоровье!

– Будь здоров! И главное – не кашляй!

– Наш человек! – ухмыльнулся один из парней. – Веселый!

– Уныние – один из смертных грехов.

– Смотри-ка, верующий! Вы же коммунист, Федор Степанович!

– Коммунистов, как известно, теперь нет.

– Куда же они делись? Всю жизнь были коммунистами, а сейчас испарились?!

– А вы тоже наверняка были если не коммунистами, то уж комсомольцами – точно. И тоже куда-то делись!

– Перешли в другую веру.

– И в какую же?

– Нашу.

– Понятно, – сказал Супрун. – Говорят, за вашу веру неплохо платят?

– Хватает.

– И не страшно вам, мужички?

– Кого нам бояться, Федор Степанович?

– Ну хотя бы власти.

– Какой?

– Власть одна. Государственная.

– Вы всерьез полагаете, что существует государственная власть?

– Ты, конечно, так не полагаешь?

– И ежу понятно, что государственной власти в России нет.

– Ежу, может, и понятно, а мне вот нет.

– Значит, Федор Степанович, вы оказались тупее ежа.

С улицы донесся приглушенный звук автомобильного двигателя. Молодой человекглянул на часы.

– Философская трепотня закончилась, уважаемый товарищ Супрун. Нам пора. И прошу вас, Федор Степанович, без фокусов. Вы правы, нам приказано доставить вас живым и невредимым. Но это лишь в том случае, если вы будете вести себя по-джентльменски.

Супрун осмотрел всех четверых, каждого по очереди, подольше задержав взгляд на женщине, и поднялся.

– Едем.

У подъезда стояли две иномарки. В одну из них на заднее сиденье усадили Супруна с двумя молодыми парнями по сторонам, в другую сели женщина и молодой человек в милицмейской форме.

– Вот что, кандидат, – предупредил один из парней. – Поговорил – и хватит. Если останоят, молчи как рыба. Я не старлей. У меня другой приказ.

И с этими словами парень щелкнул наручниками, пристегнув к своей руке запястье Федора Степановича. Обе машины тронулись.

С некоторых пор губернатору края Колесниченко Николаю Михайловичу частенько снился один и тот же сон: зеленая без конца и без края степь, темное небо в сполохах молний и будто бежит по этой степи он, Николай Михайлович, одетый в белый смертный саван, а куда бежит, и сам не знает. И слышится ему нарастающий грозный гул, идущий словно изпод земли, и видятся ему какие-то огромные тени, беспорядочно летающие в этом безмерном пространстве... Губернатор вскакивал и долго не мог понять, сон ли это или было такое наяву.

И в ночь похищения Супруна опять привиделся губернатору тот же сон. Он открыл глаза и долго смотрел в высокий белый потолок. Зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Все прошло благополучно, Николай Михайлович, – раздался в трубке мужской голос.

– Хорошо, – ответил Колесниченко и положил трубку.

Он поднялся, прошелся по комнате, вернулся в спальню и закурил. Он был один в огромной квартире, жену и дочь отправил на Багамы, как делал обычно, когда решался в его жизни тот или иной серьезный вопрос, – отправлял куда-нибудь подальше, лишь бы с глаз долой.

А вопрос, который следовало решить губернатору, был действительно очень серьезным. Речь шла о жизни и смерти Супруна. Депутат краевой Думы Супрун Федор Степанович был самым опасным соперником Колесниченко в борьбе за губернаторский пост. Опасность состояла в том, что Супрун был выдвинут в кандидаты без каких-либо усилий со своей стороны, как говорится – снизу. Пришли к нему ходоки и положили на стол списки, необходимые для прохождения в кандидаты, и число подписавшихся было в несколько раз больше, чем у других претендентов. Опасен был для действующего губернатора и мэр города Головачев Павел Андреевич, но он от борьбы отказался, сославшись на неотложные городские дела. Злые языки, правда, утверждали, что мэр струсил после трех жестоких убийств кандидатов в губернаторы, которые потрясли весь край. Быть может, так оно и было на самом деле, умирать ведь никому не хочется.

Итак, главным соперником Колесниченко оставался депутат Думы Супрун. Теперь его везут по горным дорогам в указанное губернатором место, куда утром прилетит и он, Николай Михайлович. Там, в уютном и тихом коттедже, и решится дальнейшая судьба депутата и кандидата в губернаторы края Федора Степановича Супруна.

...Люди приходят к власти различными путями. Одни, как бы призванные Всевышним, идут к своей цели, не нарушая законов, их ведет к вершине сама судьба. Путь других же, и таких большинство, темен, извилист и даже кровав, хотя, быть может, они и не хотели этого, но обстоятельства были сильнее их. К такому роду людей принадлежал и Николай Михайлович Колесниченко.

В советское время, а особенно в застойные годы, тогда еще молодой Николай Михайлович быстро уяснил, что для получения власти над людьми особенно многого не требуется: необходимо хорошо учиться, вступить в комсомол, потом в партию. Хорошо бы закончить высшую партийную школу и далее подниматься по ступенькам партийной лестницы или в райкоме, или на производстве. Он и пошел этой проторенной дорожкой. С отличием закончил строительный институт, около года поработал на стройке, откуда добрые дяди отозвали его в городской комитет партии на должность инструктора. Через пару лет его повысили – перевели на должность заведующего отделом промышленности и строительства горкома, и тут дело застопорилось. Все более высокие посты были заняты, и Николаю Михайлович по крайней мере с десятков лет ничего не светило. И тогда он сделал решительный шаг – ушел с теплого местечка на отсталый строительный участок, который через некоторое время сумел сделать передовым. Николай Михайлович умел работать, он чувствовал себя на месте и, быть может, со временем вырос бы в крупного хозяйственного руководителя. Но тут грянула перестройка, а потом началась всеобщая ваучеризация. Здесь-то и появился на горизонте одетый по последней моде молодой человек с одутловатым лицом и театральными манерами – Миша Юсин, директор торговой коммерческой фирмы, занимающейся сбытом цветного и черного металла. Конечно, Николай Михайлович тогда и предположить не мог, что имеет дело с вором в законе, который был известен в криминальном мире под кличкой Муссолини. Он посоветовал Николаю Михайловичу приобрести ваучеры, которые, по его словам, должны в дальнейшем сыграть огромную роль в хозяйственной жизни страны. Более того, Миша предложил свои услуги по приобретению большого количества ваучеров по бросовой цене.

Пришел час, и на эти ваучеры был приватизирован стройкомбинат, которым руководил Николай Михайлович. И теперь он стал уже не директором с твердым ежемесячным окладом, а владельцем этого предприятия, можно сказать, капиталистом. Обмыть такое дело Миша предложил в Париже, в ресторане «Максим». Так и сделали, тем более что зарплата Колесниченко выросла в сотни раз. В Париже Мишу и Николая Михайловича встретили два джентльмена «московского разлива». Позднее, в ресторане «Максим» за столиком под пальмой, под звуки казачьих песен, под коньяк «Наполеон», была решена судьба Николая Михайловича Колесниченко. Джентльмены предложили ему стать мэром Пятигорска. В самое ближайшее время, видимо, начнутся перевыборы, так как здоровье нынешнего мэра внушает серьезные опасения

– по слухам, у него рак желудка. Николай Михайлович беспокоился было о судьбе стройкомбината, но оказалось, что и этот вопрос уже решили его компаньоны – стройкомбинат уходит под крышу коммерческой фирмы Миши Юсина вместе со всей недвижимостью и движимостью: грузовиками, кранами, легковыми автомобилями, а также с двумя тысячами гектаров прекрасных лесных угодий, на которых будут выстроены коттеджи, бары, казино и прочие увеселительные заведения. Кроме того, джентльмены дали понять, что должность пятигорского мэра станет неким переходным моментом в его жизни, впереди его ждут дела более масштабные, а какие это будут дела, они, его новые друзья, позднее его просветят.

Спустя месяц с небольшим мэр Пятигорска умирает на операционном столе под ножом хирурга, а Колесниченко становится главой города. Выборы прошли, как говорят, без сучка без задоринки, потому что соперником его был человек совершенно никчемный. Разумеется, Николай Михайлович уже имел представление, в чьи цепкие лапы он попал, однако помалкивал. Да и новые его друзья не затевали никаких разговоров. Однако подошел час, когда надо было определиться. Разговор произошел на вилле Юсина, в горах. Присутствовали трое – Колесниченко, Юсин и депутат Государственной Думы господин Потапов, седоватый подтянутый мужчина с ласковыми темными глазами.

– Ну что же, Николай Михайлович, – приступил к основному вопросу Потапов, когда немного выпили и закусили, – с должностью мэра вы справились как нельзя лучше. Ехал по Пятигорску и удивлялся. Чистота, порядок, люди одеты со вкусом, в магазинах полно товара, кругом строят – и не какие-то хрущобы, а коттеджи, виллы со всеми удобствами...

– Дороговаты они, однако, – сказал Николай Михайлович. – Многим не по карману.

– Каждому свое, – возразил депутат. – Не нами, грешными, сказано. Трудись, крутись, вертись – и будет тебе вилла!

– Это точно, – поддержал Юсин.

– Вам известно, что, кроме депутатских обязанностей, я исполняю и другие?

– Известно. В общих чертах, – осторожно ответил Николай Михайлович, стараясь не подвести Мишу, который подробно рассказал об основной работе Потапова.

– Я вице-президент компании «Сибирское золото», которая, кроме золотоносных рудников, занимается драгметаллами типа платины, а также камнями. Мы, к примеру, на все сто процентов курируем добычу малахита – камня, исчезающего с поверхности земли, курс которого на Западе непрерывно повышается. Ну это к слову... А приехал я к вам с предложением баллотироваться в кандидаты Государственной Думы. Как вы на это смотрите?

– По правде сказать, хотелось бы с годик поработать мэром...

– Мэром вы будете. Но не городского, а краевого масштаба.

– Не слишком ли вы хватили? – помолчав, спросил Николай Михайлович.

– Не слишком, – усмехнулся Потапов. – Попомните мое слово, ровно через год вы станете мэром Ставрополя.

– Для чего тогда идти в Думу?

– Хотя бы для того, что мне там без вас скучно, – пошутил Потапов, но сразу же согнал улыбку с лица. – А если серьезно, мы нуждаемся в людях вашего типа. Деловых, имеющих твердую цель, хватких и волевых. Кроме того, вам необходимо завести связи в высших московских кругах.

– Кое с кем я знаком. И неплохо.

– Нам известны ваши знакомые. Это все мелочь. Я же имею в виду руководителей фракций Государственной Думы, министров, кого-то из ближайшего окружения Президента, директоров крупнейших коммерческих банков, иностранцев высокого ранга, ну и так далее и тому подобное. Связи эти вам очень и очень пригодятся. Итак, жду ответа.

– В Думу так просто не приходят. Нужен округ, люди...

– Вы смотрели вчерашние теленовости?

- Ночные. В ноль часов.
- Много работаете, – снова усмехнулся Потапов. – Я же говорю, очень деловой...
- Пришлось задержаться.
- Обратили внимание на сообщение об убийстве депутата Госдумы господина Веретенникова?
- Обратил.
- Насколько мне известно, вы родом из Курской области?
- Детство провел там.
- Веретенников как раз представлял интересы курян. И вы курянин! Вам и карты в руки!
- Но меня там никто не знает!
- Узнают. Главное, что вы родом из Курской области. Подключим печать, телевидение, радио, на каждом столбе будут висеть ваши фотографии с краткой и, надо сказать, очень хорошей биографией, организуем митинги, выступления. И поверьте, найдутся люди, ваши доверенные лица, от которых вы узнаете, какой прекрасный человек Николай Колесниченко, какие светлые у него идеалы и как много он сделает для процветания родной области! И все это мы подтвердим делом. Будут выделены квартиры для особо нуждающихся, вовремя выданы пенсии, зарплата, даже премиальные.
- Для всего этого необходимы большие средства...
- Миша, – обернулся к Юсину Потапов, – ты сообщил господину Колесниченко, сколько мы заработали на стройкомбинате за то время, когда он находился в скромной должности городского мэра?
- Как-то не пришлось, – ответил Юсин, отводя глаза.
- Так вот, Николай Михайлович, мы заработали только лишь на лесных угодьях, ранее принадлежавших стройкомбинату, которым вы руководили, порядка двадцати миллионов долларов. И не один десяток на самом стройкомбинате. А сколько мы прибрали к рукам, пока вы пребывали в должности мэра, об этом я промолчу. Деньги будут, и большие. Дело беспроблемное. Итак?
- Согласен, – решил Колесниченко.
- Вопрос решен, – сказал Потапов. – Теперь обратимся к другим, более щекотливым обстоятельствам... Вы знаете, кем является Михаил Юсин?
- Мне известно, что господин Юсин генеральный директор коммерческой торговой фирмы, – заявил Николай Михайлович, прямо глядя в глаза Потапову.
- Да ладно вам, – снисходительно улыбнулся Потапов. – Вы хорошо знаете, что Михаил Юсин – вор в законе. Кличка Муссолини. И впрямь, посмотрите на него в профиль. Похож. Очень даже похож! Не делайте таких удивленных глаз, Николай свет Михайлович! Говорю же вам, мы все знаем. И если хотите, могу сообщить, где, кому и при каких обстоятельствах, при хорошем подпитии, вы изложили свои мысли по поводу господина Юсина...
- Не стоит, – помолчав, ответил Колесниченко.
- Правильно, не стоит. Да тут и удивляться нечему. В Грузии, к примеру, два генерала, тайные правители своего небольшого государства, воры в законе! Об этом только глупец не знает! И ничего, живут, правят. Возьмите Таджикистан... Этот... Как его? Главнокомандующий... Сафаров! Тоже вор в законе.
- Они, видимо, бывшие воры... – проговорил Колесниченко.
- Бывших воров в законе не бывает, – подал голос Миша Юсин. – Они или есть, или их нет. Это как печать. На всю жизнь.
- В голосе Миши чувствовалась неподдельная гордость.
- А вы, господин Потапов? – спросил Николай Михайлович.

– Я, к сожалению, не имею чести принадлежать к столь высокому званию. Я, милый ты мой Николай Михайлович, женат, имею двух взрослых сыновей и дочку тринадцати лет. А женатым путь в подобное общество закрыт.

– Мы люди истинно свободные, – проговорил Миша. – Каста особая. Неприкосновенная.

– А все-таки? – настаивал Колесниченко, глядя на депутата.

– Вы хотите спросить, сидел ли я? Сидел. Два раза.

– А велик ли был срок?

– Велик. Десять и еще раз десять.

– Вы сидели двадцать лет?

– В общей сложности мне довелось пролежать на лагерных нарах четыре года три месяца и девять дней.

– И за что, если не секрет?

– Раньше это называли валютными махинациями. Теперь называют крупным бизнесом. Я с детства, любезный ты мой Николай Михайлович, обожал золотишко и камушки.

– Вор в законе, валютный махинатор и красный директор, – подвел итог Николай Михайлович.

– Именно так, – согласился Потапов, разливая коньяк. – Хочу лишь уточнить насчет красных директоров... Теперь они все люди солидные, жрут черную икру не под подушкой, как бывало, а на людях, в ресторанах, и не в каких-то там областных, а, скажем, в Монако, Риме, Нью-Йорке... Теперь они наши люди, наша опора и наша надежда. Но вы, уважаемый Николай Михайлович, будете стоять над красными директорами, они будут ходить под вами. Скажу больше, немного они нажируют, придет время – и исчезнут...

– И кто останется?

– Мы. Вы, я, он, – ткнул пальцем в Мишу Потапов. – И такие, как вы, я и он.

– Словом, прав Станислав Говорухин, говоря о том, что в России свершилась криминальная революция.

– Нет, не прав. Она свершается. Для того чтобы она дошла до своего логического завершения, нам нужно еще лет семь-восемь. Другого пути нет.

– А если восстанет народ?

– Народ? – рассмеялся Потапов. – Где это вы видите народ? Я тоже в беседе с одним иностранным предпринимателем заикнулся о российском народе, и знаете, что он ответил?

– Любопытно...

– Он сказал, что в России живет не народ, а сброд, быдло. В самой отсталой, самой занюханной африканской стране, если бы не платили зарплату и в тысячи раз повышали цены, то восстали бы не только люди, но и животные! А у нас терпят. Знаете почему?

– Догадываюсь, но хотелось бы знать ваше мнение.

– О чем же вы догадываетесь?

– Мне совсем неплохо жилось в прежние времена. Но я ни за какие деньги не вернулся бы в те годы! Вероятно, люди, которые жили во времена застоя, в глубине души все-таки понимают, что надо двигаться вперед, только вперед. Люди надеются.

– Мысль верная, но неполная. Люди уже и сейчас видят на примерах своих же соседей – кому-то повезло, кто-то крутится, суется и в итоге имеет «мерседесы» и строит особняки в тех районах, где раньше проживала только партийная верхушка. Они понимают, что жить-то можно и в наше время, и жить неплохо. Надежда и зависть движут людьми.

– Нет, господа, – вступил в разговор Миша Юсин. – Оно конечно, до поры до времени русский народ быдло, а ежели встанет... Мать родимая, лучше не думать! Боюсь я русского мужика, господа! Моя воля, дал бы я ему хлеба, зрелищ и баб! Вот тогда бы был полный порядок.

– В самую точку угодил, Миша, – сказал Потапов. – Именно это мы и хотим дать нашему многострадальному народу. Хлеба, зрелищ и баб... – Потапов глянул на часы. – Я вылетаю вечером. Полагаю, Николай Михайлович, мы с вами обо всем договорились?

– Мы договорились о моем согласии баллотироваться в кандидаты Думы, – уточнил Колесниченко.

– Для чего я и прилетел, – улыбнулся Потапов. – Через день-два ждите телеграмму о вызове в Москву, а уже сегодня начнется работа в вашей родной Курской области по сбору подписей, необходимых для прохождения в кандидаты.

– Уже сегодня? – удивился Колесниченко.

– Вы не ослышались. Впрочем, работа уже началась.

– Без моего согласия?

– Я был убежден, что вы согласитесь, – помолчав, ответил Потапов, и в ласковых глазах его появилось жесткое выражение, которое, впрочем, быстро исчезло.

Все было так, как и предсказывал депутат Потапов. На улицах районных центров Курской области, в деревнях и селах появились прекрасно выполненные плакаты, призывающие голосовать за Колесниченко, газеты запестрели его интервью, по местному телевидению беспрестанно крутился киноролик, да и сам кандидат не дремал. Он ездил по заводам, фабрикам, выходил на городские трибуны, у него внезапно открылся ораторский талант, он говорил с людьми просто, доходчиво и уверенно. Он победил в первом туре, намного оторвавшись от соперников. В Москве Николаю Михайловичу выделили квартиру, и не где-нибудь на отшибе, а в центре, недалеко от метро «Улица 1905 года». Он обзавелся связями благодаря огромным деньгам, которые поступали, как он прекрасно понимал, из воровского общака. Он просто-напросто купил с десяток чиновников, занимавших крупные должностные места как в аппарате Президента, так и в аппарате премьер-министра. В Курскую область потекли денежные вливания, было заложено несколько многоэтажных жилых домов для трудящихся, появились рабочие места, в то же время были выделены десятки гектаров земли в самых красивых местах вблизи областного центра для строительства коттеджей для «новых русских». Кроме того, спешно освобождались старинные особняки, предназначенные для кафе, дорогих гостиниц и ресторанов. Конечно, Николай Михайлович догадывался, что крупные чиновники живут не только на свою зарплату, но то, что они берут взятки десятками и сотнями тысяч в валюте, предположить не мог. Страну спускали с молотка, набивали собственные карманы, редкий человек мог устоять перед соблазном. Николай Михайлович знал некоторых из них, он подолгу беседовал с ними и в глубине души уважал их, но и жалел. Они говорили горячо, правильно и толково, но то были лишь слова, они были бедны, а в Россию пришел его величество доллар, который и начинал править бал. А доллары находились совсем в других карманах, у бывшей партноменклатуры, в криминальных структурах и у новых русских богачей.

Колесниченко просидел в Думе около года. В один, как говорят, прекрасный день его пригласил к себе на дачу Потапов. Был теплый августовский вечер, они сидели на веранде, густо заросшей зеленым вьюнком.

– Вот и пришло время, дорогой Николай Михайлович, вашего губернаторства, – улыбаясь, проговорил Потапов.

– И куда путь держать? На Чукотку?

– Почему на Чукотку? Там холодно.

– Насколько мне известно, в связи с кончиной чукотского губернатора только там назначены выборы...

– Губернаторы умирают не только на Чукотке, – загадочно ответил Потапов. – Нет, вы будете губернатором вашего любимого южного края.

– Значит, тезку моего, Николая Погаляева, переводят выше? В столицу-матушку?

– Да. Переводят. И очень высоко, – усмехнулся Потапов.

Некоторое время они смотрели в глаза друг другу, потом Колесниченко отвел взгляд и глухо произнес:

– Мне не хотелось бы оказаться в любимом мною южном городе в то время...

И умолк, не находя дальнейших слов.

– А вам никто и не предлагает куда-то ехать, – пришел на помощь Потапов. – Достаточно и того, что вы не стали мямлить и болтать глупости. Я доволен, что вы отлично понимаете, что дело превыше всего... По-моему, вы были в дружеских отношениях с Погалаевым?

– Особой дружбы между нами не было, но по делу мы часто встречались...

Через две недели в средствах массовой информации прошло сообщение о том, что некий безработный Соколов, человек неуравновешенный, стоявший на учете в психиатрической клинике, бросил в Погалаева боевую гранату и разнес губернатора края на куски. Преступник, как водится, исчез, органы правопорядка ведут тщательные поиски.

С группой депутатов и ответственных лиц Колесниченко вылетел в Ставрополь. На траурном митинге он произнес проникновенную речь, которая, видимо, произвела большое впечатление на крупных должностных лиц края. К нему подошли прокурор края, начальник краевого управления внутренних дел и начальник управления ФСБ – и каждый крепко пожал ему руку. Народ, как сказал великий поэт, безмолвствовал, хотя позднее, после пышных похорон, по городу пошли слухи, что убийство несомненно связано с предвыборной борьбой за губернаторский пост.

Через несколько дней труп безработного Соколова был обнаружен в реке, и дело по причине смерти виновного в убийстве на законном основании было прекращено.

История повторилась. Правда, теперь было потрачено гораздо больше средств, но дело того стоило. Во второй тур вышли Колесниченко и представитель предпринимательских структур некий Семенчук, однако голосов, поданных за Николая Михайловича, оказалось почти в два раза больше, чем у предпринимателя. И Семенчук отказался от дальнейшей борьбы. Краевая Дума утвердила Колесниченко губернатором края...

– Ну что же, Николай Михайлович, – поздравляя, сказал Потапов, – работайте. И работайте спокойно. Мы вам мешать не будем. Чувствуйте себя полновластным хозяином.

– Благодарю, – усмехнулся Колесниченко.

– Мы лишь определим задачу, а потом будем ее осуществлять во всех регионах России. Ваш край будет первой ласточкой.

– И какова же задача?

– В России существуют три зрелые полногрудые матки, обладающие огромными средствами. Это криминальные структуры, другими словами – уголовный мир. Это бывшие и настоящие чиновники и «новые русские». Наша общая задача – объединить эти три дойные коровы...

– И поставить во главе криминальные структуры, – перебил Колесниченко.

– Приятно иметь дело с понятливым человеком, – улыбнулся Потапов. – Одна поправочка. Не хотелось бы больше слышать слов «криминальные структуры». Согласитесь, режет слух.

– А как называть?

– Скажем, Партия порядка. Звучит?

– Вы хотите создать партию?

– Это дело будущего. Но оно не за горами.

На том разговор и закончился.

Николай Михайлович Колесниченко сел в губернаторское кресло. Он быстро понял, что с прокурором, начальниками УВД и ФСБ, а также с начальником краевого управления торговли Потапов уже провел основательную работу, а потому, по совету Миши, не стал глубоко

вникать в их деятельность. Спустя некоторое время через чеченскую границу потекли в Россию наркотики, а в Чечню – оружие, деньги, золото и дорогие заграничные автомобили.

Грянула чеченская война, появились другие заботы. Правду говорят: кому война, а кому мать родна. Загребели по рельсам Ставрополя эшелоны с обмундированием, продуктами, горюче-смазочными материалами, танками, пушками и бронетранспортерами. Третья часть этого груза пропадала неведомо куда. Кому-то, разумеется, все было ведомо, в том числе и губернатору края. И потекли в воровской общак не только миллионы долларов, но и оружие для бандформирований, рассыпанных по всей территории страны. Полноправным и единственным хозяином этих вооружившихся банд стал уголовный мир.

Мафия руками Колесниченко создала краевую акционерную компанию товаропроизводителей (КАКТ). Это крупнейшее теневое экономическое предприятие зажал в кулак всю экономику края. В состав директоров вошли воры в законе, бывшие партийные боссы и «новые русские». Колесниченко выполнил первостепенную задачу, объединив все три полногрудые матки, а во главе объединения, как и было задумано, встал представитель криминала, вор в законе Михаил Юсин, он же Муссолини.

Три года и девять месяцев губернаторства пролетели незаметно, приближались переборы. Кандидатов в губернаторы Колесниченко знал как облупленных. Их было семеро, четверо были подсадными утками, работали на Колесниченко, но трое – Приходько, Скачко и Васильев – вызвали у него серьезную обеспокоенность, особенно первый заместитель начальника ФСБ Приходько. С ним поговорили по-хорошему, но человек не понял, а потому первым и поплатился: он был застрелен собственным охранником на даче во время купания в собственном бассейне. Не угомонились профессор Васильев и бизнесмен Скачко. Более того, развили кипучую деятельность. Но однажды машина Васильева вместе с хозяином взлетела на воздух, а вскоре на окраине Железноводска был обнаружен труп и третьего кандидата, Скачко.

В Ставрополь прилетел Потапов. Теперь он занимал очень высокую должность в аппарате Президента и имел отношение к средствам массовой информации. Без его участия ни одна мало-мальски серьезная информация не проходила ни на радио, ни на телевидении.

– Вот, дорогой Николай Михайлович, мы и выполнили первый этап нашей задачи, – удовлетворенно отметил Потапов. – На очереди следующий, куда серьезнее этого.

– Партия порядка?

– Теперь она будет называться несколько иначе. Российская партия демократии и порядка. Звучит?

– Не люблю демократов.

– Я и сам их ненавижу, однако следует потерпеть. Все эти жириновские, гайдары, бурбулы, а также бабы типа Старовойтовой, Памфиловой и Хакамады имеют, к сожалению, кое-какое влияние, и с этим приходится считаться. Люди эти обреченные, сами себе накладывают удавки на шеи, вероятно совершенно этого не понимая, однако, повторяю, пока с ними необходимо считаться.

– Думаю, съезд новой партии будет проведен в моем крае? – спросил Колесниченко.

Потапов не ожидал подобного вопроса. Про будущий съезд могли знать лишь шестеро самых крупных боссов мафии, крупнейший в стране банкир и он, Потапов. Значит, кто-то из этих семи человек и сообщил губернатору о предстоящем съезде. Неужели сам Крест?

– Я доволен, что вы получаете информацию не только от меня, – помедлив, ответил Потапов. – И очень рад вашим новым знакомствам.

– Но никакой информации я не получал.

– Почему же вы заговорили о съезде?

– Это же очевидно: создается партия, должен состояться и съезд, – улыбнулся Колесниченко. – В противном случае – как же она будет создана?

– Вы правы, – ответил Потапов, но по его лицу было заметно, что он не поверил собеседнику. – Да. Съезд будет проходить в вашем крае. Место определим чуть позднее.

– Быть может, Кисловодск? Все-таки бывшая резиденция генсеков.

И снова Потапов насторожился. Дело в том, что давным-давно было решено провести съезд именно во дворце бывших генсеков, который позже стал резиденцией первого и последнего Президента СССР Михаила Горбачева. И то, что съезд новой партии будет проходить именно здесь, в это вкладывался особый смысл.

– Место удобное, – улыбнулся Потапов. – Обязательно передам ваши пожелания.

– Буду признателен. На какой день назначено открытие съезда?

– Вам сообщат. Мне стало известно, что у вас снова возникла проблема с одним из кандидатов... Запомнил его фамилию...

– Супрун, – усмехнулся Колесниченко.

– Ах да, Супрун! Федор Степанович Супрун...

– Я не желаю его смерти, – твердо заявил губернатор.

– По-моему, Николай Михайлович, ничего подобного я не сказал...

– Сказал я. И могу повторить. Не желаю.

– Тогда вы проиграете на выборах, уважаемый губернатор, – помолчав, заметил Потапов.

– А это уж мое дело! – вскипел Колесниченко.

– Ошибаетесь. Это наше общее дело. Проиграть на выборах мы вам не позволим. Мне известно, что Супрун отказался от предложенной ему виллы в Италии, от огромной суммы денег, от квартиры в Москве и хорошей должности. И что же в таком случае нам делать?

Не дождавшись ответа, Потапов продолжил:

– В чем дело, Николай Михайлович? Только не говорите, что вам жаль Супруна. Вы не из жалостливых. К тому же вам уже приходилось прощаться навеки с бывшими друзьями-товарищами, почившими таким образом...

– Жалость тут ни при чем, – грубовато ответил Колесниченко. – Супрун толковый хозяйственник. А мне надо с кем-то и работать!

– А вот Юсин совершенно противоположного мнения о хозяйственных способностях Супруна.

– Много он понимает в хозяйстве, ваш Юсин! – снова сорвался Колесниченко.

– Наш Юсин, – поправил Потапов.

– Я должен переговорить с Супруном с глазу на глаз.

– Да кто вам может запретить? Поговорите.

– Я отлично знаю свои права, Юрий Андреевич, – суховато ответил губернатор.

– Вас понял. Вы хотите переговорить с кандидатом в губернаторы в условиях, когда он вынужден будет дать конкретный ответ.

– Вы правильно поняли.

– Условия будут созданы.

– Благодарю.

– Вот что, Николай Михайлович, – мягко заговорил Потапов. – Я вижу, вы устали. Но потерпите. Осталось немного.

– Начать и кончить, – усмехнулся Колесниченко. – А насчет меня не беспокойтесь. Я – в порядке.

Николай Михайлович докурил сигарету и отошел от окна.

– Спать! – приказал он себе, лег в постель и закрыл глаза.

Супрун сидел на диване и растирал пальцами виски.

– Ну и здоров ты спать, начальник! – услышал он веселый голос, поднял голову и увидел парня, сидевшего с ним вчера в машине.

– Что вы мне вкололи, погань? – прохрипел Супрун.

- Снотворное!
- Тебя как зовут?
- Митьком!
- Оно и видно.
- Чего видно-то? – окрысился парень. – Дмитрий я.
- Не-ет, милоч. Ты Митек!
- А ты кто, Пушкин?
- При чем тут Пушкин? – удивился Супрун.
- Стихами говоришь.
- Милоч – Митек... И впрямь стихами заговорил. Голова раскалывается, Митек. Наркоту влили?
- Правду говорю – снотворное. Сидел бы смирно, и все было бы в ажуре. А то выступать начал.
- Вы ж, твари, меня как разбойника везли, с завязанными глазами!
- Насчет тварей-то поосторожнее, – нахмурился Митек. – Я ведь и обидеться могу.
- И что тогда?
- Увидишь – что...
- Ладно. Снотворное так снотворное... А голова почему болит?
- Так глушить тебя пришлось! Ты же чуть связки на руке мне не порвал!
- Не помню...
- После двух стаканов где уж запомнить...
- Каких стаканов?
- Граненых!
- Супрун припомнил, что на полпути он потребовал выпить, и ему налили.
- Про первый стакан вспомнил, – усмехнулся он.
- Первый колом, второй соколом, а остальные легкими пташками! – снова рассмеялся парень. – Опохмелить, что ли?
- Хорошо бы...
- Чего тебе? Вина, водки, коньяку?
- Отчего заболел, тем и лечись! Так в народе говорят. Водки налей.
- Жрать-то будешь? – открывая холодильник, спросил Митек.
- Не отравишь? – вроде бы пошутил Супрун.
- Пока не приказали.
- А коли прикажут?
- Ты пей и закусывай, – ставя на стол тарелки с колбасой и копченостями, сказал парень.
- Спасибо. Будешь?
- На работе не пью.
- Дисциплинка что надо!
- А то! Нам зарплату не задерживают! Не то что этим... Летунам!
- Каким летунам?
- А тем, что со скоростью трех звуков летают. По телевизору показывали. Грузчиками на рынках подрабатывают! Летчики! Высший пилотаж! Это ж где, в какой стране может быть такое?! У них же самолеты! Бомбы под крыльями!
- Ну и что?
- Да я бы взлетел и опустился!
- Куда?
- Да хоть на Кремль, хоть на Завидово, хоть на Барвиху! Туда, где эти остолопы окопались!
- Какие остолопы?

- Те, что легчикам зарплату не выдают!
- Да ты патриот, Митек! – удивленно произнес Супрун.
- А ты думал кто? Конечно, патриот!
- Патриоты, Митек, служат в других местах. Ты мелкая пешка в большой игре, на уголовном жаргоне – «шестерка».
- Обижаешь, начальник...
- Правду говорю. Ну какой ты, к лешему, патриот?! Сам посуди. На кого работаешь-то? Говоря грубо, на мафию. А мафия, Митек, рано или поздно исчезает.
- Ошибаешься, начальник. Это мы работаем против мафии.
- Вот те раз! – искренне удивился Супрун. – Вот, скажем, взяли вы меня. Прикажут, и ты пустишь мне пулю в лоб.
- Не задумываясь!
- Но разве я мафиози?!
- Ты – нет. Но все делаешь для того, чтобы настоящие мафиози жили не тужили.
- Ни черта не понимаю! Ну и запудрили тебе мозги, парень...
- Это тебе, начальник, запудрили. Настоящие мафиози в Кремле сидят, в Думе, в министрах бегают, а самые крупные в Нью-Йорке, Париже и Тель-Авиве проживают!
- Ну, спасибо! Просветил! А я-то, дурак, думал, что человек сам кузнец собственного счастья.
- Правильно думал. Так и дальше думай.
- А для чего ты Тель-Авив приплел? Антисемит, что ли?
- Для кого как.
- Не понял, Митек.
- Есть наши жида, а есть не наши.
- Ну, к примеру, возьмем российских банкиров. Несть им числа! Кто они?
- Наши.
- Почему?
- По кочану!
- С тобой все ясно, – помолчав, произнес Супрун.
- Потому, что мы делаем общее дело, – снизошел Митек.
- И какое же?
- Освобождаем Россию от социализма, коммунизма и прочих «измов».
- И какое общество вы собираетесь построить?
- Возьми Америку, начальник, – оживился Митек. – Кто были предки американцев? Настоящие урки! Лихой народ, отчаянный. А их потомки кем стали? Господами! Живут – лучше не надо!
- Россия – не Америка, Митек. Россия – это Россия.
- Поживем – увидим.
- Это точно. А вообще скажу тебе, хорошие у вас политруки!
- Братаны. Политруки были у вас, а мы все братаны.
- За братанов! – наливая, улыбнулся Супрун.
- За такое и я выпью!
- «Отличный момент, – подумал Супрун, наливая Митьку водку, – фужером в зубы, руку на излом, удар ногой в пах!»
- Подумал, но действовать не стал. «А если он не один? Наверняка за стенкой, в соседней комнате, сидят мордовороты. Вероятно, и камера где-то ведет на ними наблюдение. Может, они только и ждут, чтобы я сорвался. И тогда... При попытке к бегству...»
- Будь здоров, Митек! – приподнял бокал Супрун и выпил.
- Будь, начальник!

Супрун откинулся на спинку кресла и обвел глазами комнату. Вот и она, родимая, телекамера! Хорошо, что не сорвался. Где он находится? В каком районе? Ехали долго, почти всю ночь.

– Что задумался, начальник? – ухмыльнулся Митек.

– Смотрю, – кивнул на телекамеру Супрун.

– И на тебя смотрят! – осклабился парень.

– Старлей?

– И он тоже.

– Да-а, – протянул Супрун. – Попал...

– А слух шел, мол, предлагали тебе, начальник, виллу в Италии, яхту белоснежную и кучу денег. Правда аль врут?

– Правда.

– И ты отказался?

– Иначе не сидел бы здесь с тобой!

– Видал я дураков, но таких... В первый раз!

– Сам ты дурак, – беззлобно ответил Супрун, поднялся и подошел к окну.

Он увидел недалекие горы, голубое озеро, посреди которого был крохотный остров.

– Семнадцать километров, – уверенно проговорил Супрун.

– Чего? – не понял Митек.

– Местечко, где мы с тобой выпиваем, называется Отрада. Семнадцать километров от Минвод.

– Отдыхай, начальник, – предложил Митек и, внимательно посмотрев на Федора Степановича, направился к двери.

– К старлею побежал?! – крикнул ему Супрун вслед и рассмеялся.

Он приоткрыл дверь, выходящую на веранду, и глубоко вдохнул свежий воздух. Солнце уже садилось, и его ровный свет высвечивал вершины невысоких гор. Над озером кружилась чайка и пронзительно кричала.

Супрун прекрасно понимал, почему он очутился здесь и чьих рук это дело. Одного он не мог понять – для чего нужно было везти его именно сюда, да еще с завязанными глазами. Ведь проще пристрелить его в любом месте, в его же квартире. Неужели заговорила совесть у губернатора? Почему же она молчала, когда убивали Приходько, Скачко, Васильева? Или он на психику давит, на испуг берет? Как бы то ни было, но пока он жив. Быть может, Колесниченко решил поговорить с ним, поставить ему условия – или отказ от борьбы, или смерть? У него еще есть возможность остаться живым, стоит лишь подписать документ, переступить барьер, который называется совестью. Может, представительный мужчина в сером костюме будет снова предлагать ему виллу в Италии? Пойдешь ли ты на это, Супрун? Нет, не пойдешь. Но и умирать неохота. Значит, надо скорее отсюда выбираться.

– Решайся, Федя, – вслух произнес Супрун и решительно рванул дверь веранды.

Приземлился он мягко и, пригнувшись, побежал прочь от дома. Он прекрасно знал местность, и ему надо было во что бы то ни стало побыстрее вырваться за пределы усадьбы. Особенно, куда его привезли, принадлежал губернатору, и, хотя Супрун бывал в нем редко, он все-таки вспомнил, что как-то Колесниченко говорил, что нужно провести сигнализацию вдоль массивной бетонной ограды. Если сигнализация уже установлена, то уйти можно лишь через ворота. Добежав до ограды, Супрун пригляделся и увидел рядом с колючей проволокой тонкие блестящие провода. Итак, оставались ворота, и Супрун решительно зашагал к ним. Ему вдруг припомнились слова его тренера по боксу, бывшего чемпиона России: «Главное, Федя, в боксе – внезапная плюха!» А плюха у Супруна была солидная, если попал, считай – нокаут. Супрун вдруг совершенно успокоился, появилась даже какая-то лихая отчаянность: была не была, терять нечего!

Охранник стоял у ворот и, задрав голову, смотрел в небо, где в необъятном синем просторе парил орел. На лице парня застыла улыбка. С этой улыбкой он мгновенно рухнул на землю, когда на него обрушилась плюха Супруна.

Прихватив короткоствольник и запасной рожок с патронами, Супрун нырнул в придорожные кусты и, пригнувшись, побежал вдоль ручья в сторону заказника, где на берегу горной речки стояла изба лесника Гаврюши. Федор Степанович был знаком с лесником, но по мере приближения к его жилищу начал сомневаться. А вдруг Гаврюша заложит? Очухаются охранники и первым делом примчатся сюда, к леснику, ведь это ближайшее жилое место, поселок же находится аж за семь-восемь километров. И все-таки идти к Гаврюше надо. Супрун знал, что в домике лесника есть телефон – необходимо срочно позвонить жене, чтобы она немедленно уехала с дачи.

Супруну повезло. Дверь дома была открыта, а сам лесник копался в огороде. Федор Степанович осторожно вошел в дом, поглядывая в окно, сквозь которое хорошо был виден Гаврюша, снял трубку и набрал номер телефона своей дачи. Послышались продолжительные гудки. Примерно с минуту ждал Супрун ответа, не дождался и набрал другой номер.

- Слушаю! – прогудел густой уверенный бас.
- Иван, Федор говорит.
- Узна-ал... А я только от Маши. Тебя ждет.
- Слушай внимательно, Иван. Немедленно езжай обратно и забери Машу и детей к себе.
- Откуда звонишь?
- Ты понял меня, Иван?
- Понял.
- И чтобы ни шагу из дому!
- Понял.
- Скажешь, что я уехал. Срочная командировка.
- Куда уехал-то?
- В Москву!
- Что стряслось, Федя?!
- Я надеюсь на тебя, Ваня, Подключи казачков!
- Не беспокойся! Может, помощь нужна?
- Справлюсь. Я, братишка, не пустой!
- Понял.
- Все. Жди звонка!
- Еду, Федя, еду! Будь спокоен!

Супрун положил трубку и вздохнул с облегчением. Теперь он был уверен, что ни жена, ни детишки в заложники не попадут, даже если губернаторские ищейки немедленно выедут из Ставрополя, то до Грачевки по шоссе без малого сорок километров, да до Степного по грунтовой дороге около десяти, а младший брат Ваня рядом, и километра не будет.

Иван Степанович жил в Степном, где работал председателем колхоза, именно колхоза, а не какой-то там ассоциации. У него в хозяйстве были и фермеры, которых он не обижал, а, наоборот, поддерживал всеми силами, а если кто-то из них не справлялся, принимал снова в колхоз. Хозяйство было крепкое, народ председателя уважал, а казаки так чуть ли его не боготворили. Да и было за что. Завели большую конюшню чистокровных скакунов, мальчишки стали бегать в казацкой форме, атаманы в станицах, в основном молодые мужчины, готовы были за председателя хоть в огонь, хоть в воду. Супрун даже затревожился, как бы братишка палку не перегнул. Нагрянут фээсбэшники, казаки их могут на куски разорвать!

Гаврюша так ничего и не заметил, копался в своем огороде, хотя Супрун прошел почти рядом.

Пройдя лесом вдоль речки несколько километров, Супрун присел на поваленное дерево, вытащил бумажник, пересчитал деньги. Их хватало на то, чтобы купить билет до Москвы, да и в вагоне-ресторане посидеть. А может, выйти на дорогу, остановить попутку, доехать до Минвод и в поезд? Однако, поразмыслив, Супрун отказался от этой идеи. Во-первых, наверняка подняты все силы УВД, прямо на вокзале и тормознут, во-вторых, при нем оружие и, если тормознут, разговор будет короток. Нет, нужно дождаться темноты и любыми путями вырваться за пределы края. В своем крае губернатор хозяин, а, к примеру, в Краснодарском он ничто. Значит, необходимо выехать за пределы края, попасть хотя бы в станицу Успенскую, там казаки примут, напоят и накормят.

Особо дожидаться темноты Супруну не пришлось. Проплутав несколько часов по лесу, он наконец вышел к железнодорожным путям в девятом часу вечера. Было уже темно, но невдалеке мерцали огоньки станции.

Станция оказалась маленькой, останавливались на ней лишь местные поезда да ходили на Железноводск редкие электрички. В ларьке Супрун купил бутылку коньяку, пару мясных консервных банок и за неимением хлеба три пачки галет. Выпил, подзаправился и почувствовал себя увереннее. К перрону подошла электричка. Глядя на освещенные окна, Супрун заметил в двух вагонах людей хоть и в штатском, но которых он где-то уже видел... Точно, одного он встречал в коридорах ФСБ. Чтобы не искушать судьбу, Супрун с сожалением покинул перрон.

– Последняя, – заметила проходившая мимо девушка.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Супрун.

Он не стал заходить в помещение вокзала, а направился вдоль линии. На путях стоял товарняк. Внезапно вагоны дрогнули, закрипели и медленно поплыли мимо Супруна. «А, что если в вагон и – вперед? – мелькнуло в голове Федора Степановича. – Куда-нибудь довезет...» Увидев вагон старого выпуска, похожий на теплушку, двери которого были чуть приоткрыты, Супрун вскочил в него и огляделся. В вагоне было темнее, чем на улице, но постепенно глаза привыкли, и Супрун разглядел разбросанные тюки. Они были мягкими на ощупь и сухими. Сдвинув их, Супрун соорудил себе ложе, прилег и закурил. Думать ему ни о чем не хотелось, он закрыл глаза, стараясь заснуть, но и сон не приходил. Стучали колеса, мчался куда-то товарный поезд...

Видимо, Супрун все же вздремнул, потому что когда открыл глаза, то заметил, что в вагоне стало светлее. Он подошел к проему двери и понял, что начинает светать. Мимо проносились редкие дома, приближалась какая-то крупная станция. Поезд несколько сбавил ход, но шел достаточно быстро. Супрун успел прочесть название станции – Павловская. Значит, товарняк пойдет сейчас или на Ростов, или свернет на Ейск. Если он поедет на Ростов, то следующей крупной станцией будет Октябрьская, насколько помнится, от Павловской она отстоит на каких-нибудь десять-двенадцать километров. Хорошо, если поезд притормозит здесь, в Октябрьской живет Борька Петухов, дружок с детства. Вот она и Октябрьская! Мимо.

Товарняк остановился лишь в Батайске, в пятнадцати верстах от Ростова-на-Дону. На вокзале, зайдя в туалет, Федор Степанович умылся, причесался, как мог привел одежду в порядок, сел в первую попавшуюся машину, приехал в Ростов, купил билет на ближайший поезд до Москвы и через сутки был уже на Курском вокзале столицы. С вокзала он позвонил брату Ивану. Трубку взяла Маша, жена Ивана, и он поговорил с ней и с детьми. Еще в поезде Супрун решил поехать прямо к заместителю Генерального прокурора России Меркулову Константину Дмитриевичу, с которым он познакомился во время отпуска на палубе теплохода, совершавшего туристическую поездку по Волге. Супруну пришелся по душе этот вежливый, хорошо воспитанный представитель закона, вовсе не похожий на человека, занимающего такой высокий пост. Оба они впервые совершали путешествие по матушке-Волге и оба, как оказалось, всю жизнь мечтали о подобном отдыхе. О многом было переговорено, во многом их взгляды сходились. Часто бывает так, встретятся люди, особенно в отпуске, и разойдутся, но здесь полу-

чилось иначе. Не забыл Супрун Меркулова, и Меркулов не забыл Супруна. Перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками, даже подарки присылали на день рождения. На звонок Супруна ответила секретарша, сообщила, что Константин Дмитриевич будет через полчаса и она обязательно передаст его просьбу о безотлагательной встрече.

Меркулов встретил Супруна в дверях кабинета:

– Здравствуй, дружище! Не ждал!

– Здравствуй, Костя!

Они обнялись.

– Что это у тебя под пиджаком? – удивился Меркулов. – Никак, оружие?

– Оно самое, – вытаскивая короткоствольник и рожок, подтвердил Супрун.

– Ну ты даешь... – покачал головой Меркулов. – Рассказывай.

Он внимательно, не перебивая, выслушал рассказ Супруна и, лишь когда тот умолк, спросил:

– Все?

– Вроде все...

– Ты в каких отношениях с Власенко?

– А какие могут быть отношения с прокурором края? Только деловые.

– В бане вместе парились?

– Было.

– Значит, не только деловые. После баньки-то небось пропускали?

– И это бывало.

– Вдвоем?

– Обычно вчетвером. Колесниченко, Макеев, Власенко и я. Подъезжал иной раз и Маркуша.

– Губернатор, прокурор, начальники УВД и ФСБ, ты, главный управленец сельского хозяйства... Вся верхушка края! Я к чему? И парился ты с прокурором, и выпивал, а он на тебя телегу настроил.

– И по какому поводу?

– Что ты за завод там строишь?

– По изготовлению кормов.

– И кому дорогу перешел?

– Дорогу можно перейти только одной организации – КАКТу. Краевой акционерной компании товаропроизводителей.

– С директором КАКТа знаком?

– Знаком. Тип неприятный.

– Это ты верно подметил, – усмехнулся Меркулов. – Михаил Григорьевич Юсин. Вор в законе. Кличка Муссолини.

– Слыхал, – не удивился Супрун. – Но как-то не верилось...

– Телегу я пока положил под сукно, но со временем она пригодится... Теперь насчет КАКТа. Организация любопытная. И криминальная, очень даже криминальная. Это пока все, что могу тебе сообщить.

– Закурить можно?

– Кури.

– Я к тому, что ты-то не куришь.

– Закуривай. Хоть мужиком в кабинете запахнет... Историю я твою выслушал, Федор, и очень рад, что все обошлось благополучно. Но ты говорил о себе, а мне хотелось бы услышать твое мнение об убийствах Васильева, Скачко, Приходько.

– Мнение у нас с тобой, Костя, одинаковое. Все эти убийства политического характера, убирают претендентов на губернаторский пост. Вспомни Ленина... «Кому это выгодно?»

– Я понимаю, Федор, что самая большая выгода от этого губернатору Колесниченко, но убирает-то их не лично губернатор.

– Значит, его люди.

– Это тоже следует доказать.

– На то ты и зампрокурора страны. Доказывай.

– Работаем, Федя, работаем! И теперь, между прочим, я не просто так задаю вопрос об этих убийствах. Тебе на месте-то виднее. Что, к примеру, люди говорят?

– Не знаю, как у вас, в Москве, а у нас, в крае, молчат люди.

– Слухи-то, вероятно, идут?

– Слухи к делу не пришьешь.

– Ты заговорил, как суконный профессионал, – улыбнулся Меркулов. – А все-таки?

– У людей своих забот полон рот! – Супрун помолчал, сделал несколько затяжек. – Привезли неделю назад в Прохоровку трупы молодых казаков. Из Чечни. Вой стоял по всей станции... Бабы ревели. У мужиков лишь желваки ходили. Привезли пятерых. На следующий день двадцать пять парней в Чечню отправились!

– Ты это к чему?

– К тому, что убили кандидатов, ну и Бог с ними! Поговорили, помянули и разошлись. В народе говорят, что разборки, мол, идут. Все во власть прутся, лучше занимались бы своим делом, сидит губернатор, дает жить – и пусть сидит! Вот и по мне поплакали бы жена, дети, родственники, друзья погоревали, а народ...

Супрун умолк и махнул рукой.

– мрачное у тебя настроение, Федя...

– Пристрелили, скажем, того же Приходько, первого зама ФСБ, а люди о чем, думаешь, заговорили?

– О чем же?

– О том, что у него тачка иностранная, дача в три этажа и квартира из пяти комнат. Выходит, воровал?

– Выходит, так.

– А ты говоришь...

– У тебя, Федор, тачка наша, участок в шесть соток, квартира трехкомнатная. На четверых.

– Я не ворую.

– Потому-то и выдвинул тебя народ.

– Полагаешь, коли бы меня убили, восстал бы народец?

– Тебя не убили, Федор.

– Скажи, Костя, а что мне дальше-то делать? – перевел разговор Супрун.

– Поживешь денька три-четыре в Москве, а потом отправишься обратно, к жене и детишкам, – улыбнулся Меркулов.

– Шутишь?

– Не шучу, Федя.

– Да ведь прихлопнут меня там! В момент!

– Никто тебя не тронет. Более того, охранять будут. У них тоже голова на плечах есть. Они работают почти на грани, но преступить эту грань не посмеют. И потом, ты поедешь не один.

– Понятно, – подумав, ответил Супрун. – А что ты посоветуешь делать с кандидатством?

– Коли не боишься, продолжай в том же духе, как и начал.

– Особого страха нет, но и умирать рановато...

– Сказал же тебе, охранять будут! Другой вопрос, выиграешь ли ты на выборах. Сила у Колесниченко большая.

- Буду продолжать, – решил Супрун.
- С деньгами у тебя как?
- Пока никак! Но ты не беспокойся. Деньги будут.
- Откуда?
- Позвоню – и привезут.
- И куда позвонишь?
- Не забывай, Костя, я какой-никакой, а все-таки начальник!
- И не маленький!
- У вас в Москве есть наша торговая фирма. Имеет и жилье, и загородный домик. Директор мой старый друг. Так что за меня не волнуйся.
- Звони, – кивнул на телефон Меркулов.
- Супрун набрал номер.
- Привет, Юрий Игоревич! Узнал... Да, в командировку. Ты вот что, Юра, распорядись-ка насчет квартирки и подкинь деньжонок. Потратился, друг ты мой милый, потратился! Через часок буду. До встречи... Успокоился? – кладя трубку, спросил он у Меркулова.
- Теперь я успокоился. А фирма-то как называется? Уж не «Машук» ли?
- Точно. «Машук». По горе назвали. Ты-то откуда знаешь?
- Вот и с «Машуком» ты дорогу перешел этому самому КАКТу, – пробурчал Меркулов. – Денежки, и немалые, не к ним в КАКТ идут, а в твои подразделения.
- Большую, видно, телегу написал прокурор Власенко... – задумчиво проговорил Супрун.
- Возьми почитай на досуге, у меня копия имеется, кроме подлинника, – вытаскивая из стола папку, предложил Меркулов. – И если пожелаешь, я с большим вниманием выслушаю твои соображения.
- Супрун поднялся, протянул руку.
- Я пошел.
- Счастливо. Брякни.
- Обязательно.
- После ухода Супруна Меркулов позвонил Турецкому:
- Зайди, Саша... Не через полчаса, а прямо сейчас! Так-то лучше... А то ишь ты, через полчаса!
- Через несколько минут в кабинет заместителя генерального прокурора вошел старший следователь по особо важным делам Александр Борисович Турецкий.
- Помнишь, я рассказывал тебе о Федоре Степановиче Супруне? В отпуске с ним познакомился.
- Припоминаю. Тоже замочили?
- То есть как это припоминаешь?! Он же кандидат в губернаторы Ставрополя!
- Потому и спрашиваю. Замочили?
- Ты эти свои блатные словечки оставь, – нахмурился Меркулов. – Скоро ты да Грязнов лишь по фене ботать будете! Чем недоволен? От каких таких важных дел я тебя оторвал?
- Бабы не было! – широко улыбнулся Турецкий. – Ей-богу, не вру!
- Я тебя о делах спрашиваю! Не о бабах!
- Тут ты, Костя, дал маху. Для мужика нет важнее дела, чем бабы.
- Когда ты остепенишься? – вздохнул Меркулов. – Женатый человек, дочка подрастает...
- Придет время, остепенюсь... А насчет дел отвечу так. Что приказали делать, тем и занимался. КАКТом, кандидатами, в том числе и Супруном.
- Он только что у меня был. Гляди, что приволок, – подал Меркулов короткоствольник.
- Табельный, – рассмотрев автомат, определил Турецкий. – Хорошо бы узнать имя-отчество, а также фамилию владельца...

- Телефон рядом. Звони.
- Кому?
- Кто имеет право на автоматы? ФСБ и УВД. Вот и звони Маркуше или Макееву.
- Погожу, – подумав, ответил Александр.
- Отчего же? По крайней мере, будет известно, какая организация наехала на Супруна.
- Владелец этого автомата исчезнет, если уже не исчез, в случае причастности владельца к ФСБ или УВД, или, в лучшем случае, пошлют меня ставропольские начальники на три буквы.
- Ладно тебе, Саша, – укоризненно проговорил Меркулов. – Так уж и пошлют... Ты, брат, птица крупная!
- Я так, фигурально выразился. Дела никакого на этот счет у меня в производстве нет.
- Они ведь не знают, есть ли у тебя дело или нет!
- Они все знают, – усмехнулся Турецкий. – Ладно, Константин. Автоматик этот еще свою роль сыграет. Все же – вещественное доказательство! Ты лучше расскажи, каким образом Супрун живым остался?
- А он, оказывается, бывший боксер! Я и не знал.
- Всех разнес, что ли? – усмехнулся Александр.
- Одного хлопнул, – покачал кулаком Меркулов. – У него кулачок, конечно, не такой, как у меня, раза в два побольше. Взяли его в подъезде, привезли на дачу губернатора...
- На дачу губернатора, – перебил Турецкий. – Считай, покойник твой друг по отпуску.
- Не торопись, Саша, – спокойно возразил Меркулов. – Хозяин дачи Супруна хлебом-солью не встречал... Ну вот, привезли, дали выпить, закусить, ну Супрун и ожил. Сиганул в окно, оглушил кулачищем охранника, товарняком добрался до Ростова, а там в поезд и – ко мне в кабинет.
- Теперь его калачом не заманишь в кандидаты!
- Ошибаешься. Он мужик упрямый.
- Это ты его, Костя, настропалил, – догадался Турецкий.
- Скажем так: посоветовал не бросать.
- Теперь они его не тронут.
- Верно говоришь. Не тронут. А почему?
- Чувствую я, что дело будешь возбуждать по факту похищения этого Супруна!
- Правильно. И поручаю это дело тебе. Ты уже ведешь проверку по Ставрополю.
- Отрываешь ты меня, Костя, от других дел. Значит, лететь в южные края... Когда?
- Деньков через пять. Вылетишь вместе с Супруном.
- Через пять будет поздновато. Или ты чего-то ждешь?
- Жду.
- Неужели генеральный созрел?
- О генеральном ничего не скажу, а кое-кто повыше – созрел.
- Секретарь Совета Безопасности.
- Молодец, – похвалил Меркулов. – Докладывай о кандидатах и КАКТе. Расскажи, что ты накопал в результате доследственной проверки о злоупотреблениях властей в Ставропольском крае.
- О покойниках, думаю, говорить нечего. Нет человека, нет дела. Так, по-моему, выражаются итальянские мафиози?
- То итальянские, а у нас, в России, следственные дела остаются. До полного расследования убийства. Но дела эти мне известны, я их проверял, а потому хотелось бы узнать что-либо о живых кандидатах.
- Они очень скоро могут последовать за своими предшественниками.
- Не накаркай, Саша, – строго сказал Меркулов.

– Очень мне интересно, почему они пожалели Супруна?

– Он и сам не знает.

– Кандидатов хватает, – перешел к делу Турецкий. – Супрун Федор Степанович, Корнейчук Лавр Георгиевич, кандидат технических наук, из казаков, Сестрин Владимир Вениаминович, бизнесмен, и, как ни странно, наш общий знакомый Миша Юсин!

– Ничего странного, – усмехнулся Меркулов. – Какие-никакие голосишки он соберет, а не соберет, так купит, и пойдут они в пользу Колесниченко. Первый тур, уверен, не даст окончательного результата, а во второй выйдет нынешний губернатор и кто-то из четверых. Вот голосишки-то и пригодятся.

– Поднатужится Юсин и выйдет во второй тур, – предположил Турецкий.

– Тогда уж точно губернатором станет Колесниченко.

– Не знаю, не знаю. Не поднадоел ли кое-кому господин Колесниченко? Слишком много трупов. Вот и с Супруном засветился. А я за эту ниточку как раз и потяну.

– Коли потянешь, за Федора Степановича я буду совершенно спокоен. И, помани мое слово, Колесниченко просить будет Супруна стать его первым замом!

– Не уверен.

– Они тебя знают, Саша. И очень хорошо. Если бы кто-то еще занялся, дело другое...

– Ну спасибо, уважил, – улыбнулся Александр. – Не можешь ли ты объяснить, чего все-таки генеральный-то ждет? Ведь четыре трупа!

– Ты сводки по раскрытию тяжких уголовных преступлений, а также экономических читаешь?

– Проглядываю.

– То-то и оно, что проглядываешь. Ставрополье на первом месте по раскрываемости. И брали тузов немалых! Дела были проведены четко, не подкопаешься. А речугу какую Власенко закатил на совещании, слышал?

– Не глухой.

– То-то и оно, свою роль играет, конечно, и то обстоятельство, что учился наш шеф с Власенко на одном курсе, и мнение его о Власенко, как о специалисте, высокое. Потому и не передают.

– Хмырь он болотный, ваш Власенко! – не сдержался Турецкий.

– Ты поосторожнее, Саша...

– Я, как глянул, сразу увидел – хмырь, – стоял на своем Турецкий. – У меня глаз на этих типов до того наострился, что с первого раза вижу!

– Поедешь, посмотришь повнимательнее... Ладно. Переходим к КАКТу.

– Первое, что наверняка могу сказать, – предприятие теневое. Держит в кулаке всю экономику края. Никому дыхнуть не дает. Вот только твой Супрун дергается. Он хорошо подси- дел этот самый КАКТ, создав в Москве торговую фирму под названием «Машук». Муссолини рвал и метал!

– Вот тебе первое доказательство непричастности Колесниченко к похищению. Может, похитил-то его Миша Юсин? Вернее, по приказу Юсина похитили Супруна юсинские бандиты.

– Что-то он его не похищал, пока тот не стал кандидатом...

– Тоже верно. А чем занимается этот КАКТ?

– Грабежами.

– А конкретнее?

– Начну с состава директоров. Генеральный, как я уже сказал, Муссолини. Помнишь Серегу Прошина по кличке Левитан?

– Безголосого? Как не помнить... Он проходил у нас с тобой по старому ставропольскому делу.

– Голосок у него прорезался. Писклявый, правда, но прорезался. Он шурует в Прикумском районе.

– Значит, КАКТ наложил лапу на все районы края?

– И в каждом районе свой директор. Все считаются замами Муссолини. Знаком тебе, видимо, и Филимон Старчук по кличке Старик. Под его началом станица Изобильная и окрестности.

– Старик – вор с головой. Помню, на допросе он про лошадей душевно говорил. Мне даже понравилось.

– Завел конный завод. Рысаки один к одному!

– Это же неплохо, Саша, – улыбнулся Меркулов.

– Оно конечно, было бы неплохо, если бы денежки от продажи рысаков шли в государственную казну, а они идут в банк под названием «Грот», который находится в Ставрополе. А директор этого банка Семен Фридман.

– Семен Израилевич занимался раньше камушками вместе с господином Потаповым Юрием Андреевичем...

– Переквалифицировался. И вероятно, не без помощи Потапова. Но до Юрия Андреевича нам не добраться.

– Поглядим-посмотрим, – снова улыбнулся Меркулов. – Пошли дальше.

– В директорах ходят два вора в законе – Левитан и Старик, остальные – бывшие секретари райкомов, бизнесмены... затесался один отставной генерал... Я вот приготовил список, – выкладывая лист бумаги на стол, ответил Турецкий.

– Быстренько ты это дело провернул, – сказал Меркулов. – Кто помогал-то?

– Крот – См. роман Ф. Незнанского «Король казино» (М., 1996).».

– Как живет-поживает Алексей Петрович?

– Нормально.

– И чем ты его соблазнил?

– Его и соблазнять не надо было. Как услышал про Потапова, так и заволновался.

– Алексей Петрович заволновался? – не поверил Меркулов.

– Виду, конечно, не подал. Протянул руку и сказал, что говорить больше не о чем, он будет работать по агентурно-оперативной части.

– А Грязнов как посмотрел?

– С Грязновым пока не беседовал.

– Поясни все-таки, что такое КАКТ?

– Люди сажают по весне овощи, ухаживают за фруктовыми деревьями, копаются в виноградниках, осенью собирают урожай и по смехотворной цене сдают представителям КАКТа. В КАКТе мощная техника, заводы по переработке даров природы, в том числе и несколько винно-водочных. Фрукты, овощи в свежем виде отправляются почти во все районы России, я уж не говорю о спирте, водке, винах – это само собой. Прибыли имеют миллиардные, потому что отстегивают они государству лишь процентов семь-восемь, остальное – в свои карманы.

– Чьи?

– Если бы знать! Да поточнее. Строить догадки можно и даже назвать фамилии, но доказательств, увы, нет.

– Большую лохматую руку надо иметь в Москве, чтобы творить такие дела...

– Рука есть. И не одна! И все очень лохматые.

– Ну что же, Саша, – помолчав, подытожил Меркулов. – Через два часа занесут тебе в кабинет мое постановление о возбуждении дела по похищению Супруна Федора Степановича. И в нем черным по белому будет написано, что расследование поручается «важняку» Турецкому, руководителю следственно-оперативной группы. Теперь шагай и денька через три-четыре жди событий.

– Скрываешь ты от меня что-то, Костя!

– Не хочу прослыть трепачом. Все. Иди.

В жизни литератора Станислава Станиславовича Акимова пробил звездный час. Так, по крайней мере, ему показалось. Он знал, что рано или поздно наступит этот час, ведь не зря ж семь лет прокантовался он на тюремных нарах в мордовском лагере, не зря срывал голос на митингах, не зря корпел над своим романом.

Станиславу Акимову шел пятьдесят второй год. Он был высок ростом, сухощав, носил волосы до плеч, бороду и усы, вообще имел вид представительный. У него был явно ораторский дар, он умел говорить и с простым народом, и с людьми более высокого ранга, скажем журналистами, актерской богемой, художниками и писателями, среди которых имел немало друзей-приятелей. В свое время Акимов был близок к диссидентам Синявскому и Даниэлю. Он был самолюбив, тщеславен, выступал громче других, говорил и писал много о правах человека, а потому по милости КГБ и загремел на целых семь лет в лагерь. Годы, проведенные на лесоповале и тюремных нарах, не прошли бесследно. Он заметно посерьезнел, на крик уже не срывался, говорил тихо, но значительно. Появились и хорошие учителя, к примеру тот же писатель Даниэль. Именно он посоветовал Станиславу записывать лагерные впечатления. И к концу срока Акимов высидел объемистый роман, который был издан на русском языке во франкфуртском издательстве «Посев». После освобождения из лагеря Станиславу удалось выехать за границу, но через несколько лет он вернулся в Россию, на Западе ему не очень-то везло. Небольшие деньги, полученные за роман, изданный уже на шести языках, были промотаны, а второе его творение издательства отвергли, оно было слабым повторением первого. На родине дела пошли веселее, первые шаги демократии вселяли надежду... И Станислав снова забегал по митингам, снова загремел на площадях его голос, замельтешила перед взорами митингующих его седоватая шевелюра, снова он был на виду. И ведь домитинговался, был избран депутатом в Госдуму, но на перевыборах срезался вчистую. Была у Акимова слабость – выпивал человек! Многие, конечно, выпивают – и ничего, живут в довольстве и добре, но Станислав не просто выпивал – запивал, раскручиваясь на полную катушку. В месяц пять дней отдавал пьянству, и всегда с двадцать третьего по двадцать восьмое число. Потом два дня отходил, отлеживался, болел и стонал, клялся и божился, что завяжет, однако не получалось. Лечился он по-разному – начиная от вшивания торпеды и кончая методом Довженко. Ничего не помогало. И тогда Акимов пришел к выводу, что он входит в те пять процентов от ста обитателей планеты, которые не поддаются лечению. После этого он совершенно успокоился. Однако надо было на что-то жить и пить. Забыв про диссидентскую гордость, Станислав вдруг ни с того ни с сего занялся рисованием картин, если, разумеется, его произведения можно было назвать картинами. По пьянке он познакомился с известным художником-модернистом, рассказал ему сон, который увидел в ночь после очередного запоя, и художник посоветовал ему перенести увиденное на полотно. «Там же белые сугробы, Христос в снегу, голый, зеленая пальма, а на ней черт! Кому нужна такая абракадабра?!» – воспротивился Станислав. «Ты напиши, а там посмотрим», – загадочно ответил модернист. И Акимов изобразил свой сон на холсте. До этого он никогда не брал кисть в руки и, посмотрев на законченную картину, аж содрогнулся, хотел было сжечь, но, поразмыслив, отнес-таки художнику. Тот, мельком глянув на картину, коротко сказал: «Ты гений». «И это можно продать?» – помедлив, спросил Станислав. «Можно, если хочешь, куплю я. Тысяча баксов. Плачу сразу». Акимов моментально согласился. Прошло несколько месяцев, и он увидел свою чертовщину в квартире известного адвоката. «Сколько вы заплатили?» – поинтересовался Станислав. «Десять тысяч долларов», – гордо ответил адвокат. Акимов срочно накатал еще несколько картин, но сбыть удалось лишь одну, да и то в два раза дешевле, чем первую. «Почему?» – спросил Акимов художника-модерниста. «Потому что дороже она не стоит». «Сомневаюсь», – возразил Станислав. «Или бери

пятьсот, или забирай картину», – заупрямился художник. «Ты же говорил, что я гений». «Да, ты гений одной картины. А все другое – повторение».

Видно, на роду было написано Станиславу Акимову повторять себя и в литературном деле, и в изобразительном искусстве. Посокрушавшись, он взял предложенное и ушел.

И все– таки грянул его звездный час. Однажды в коммунальной квартире, где он занимал комнату в районе Остоженки, раздался телефонный звонок.

– Акимов у аппарата, – старомодно представился Станислав.

– Здравствуйте, Станислав Станиславович!

– Здравствуйте...

– Вас беспокоит господин Потапов.

– Ты, что ли, Санек?

– Мое имя и отчество Юрий Андреевич.

– Минутку, – растерялся Акимов. – Тот самый Юрий Андреевич?

– Не могу знать, кого вы имеете в виду, но меня зовут Юрием Андреевичем, – ласково ответил собеседник.

– Я имею в виду человека из президентской команды...

– Тот самый. Мне хотелось бы побеседовать с вами.

– Когда?

– Через час.

– Где?

– Меня отлично бы устроило ваше жилище.

– Хорошо. Записывайте адрес.

– Адрес мне известен. Через час буду.

За час, ему отведенный, Станислав, как мог, прибрался в комнате и даже приготовил столик. Потапов прибыл ровно через шестьдесят минут.

– Прошу, – пригласил за столик Акимов. – Вам налить?

– Выпью с удовольствием! Тем более что коньяк хороший.

Станислав наполнил рюмку Потапова коньяком, а себе налил соку.

– Ваше здоровье! – приподнял рюмку Потапов.

– Будьте!

Потапов совершенно не удивился тому, что хозяин пьет только сок, и это несколько озадачило Станислава.

– Почему вы не спрашиваете, отчего я пью сок? – задал он вопрос.

– Помилуйте, каждый пьет то, что хочет.

– Верно, но обычно настаивают выпить, обижаются...

– Нам хорошо известны ваши привычки. Сегодня лишь десятое, – улыбнулся Потапов.

– Ясно, – сказал Акимов и вопросительно глянул на собеседника.

– Времени для беседы у меня немного, поэтому сразу начну с основного, – заговорил Потапов. – Вам, конечно, известно, что в России создаются различного толка партии. Национально-патриотические, либерально-демократические, коммунистические, партия пива и так далее, и так далее. Сейчас самое подходящее время для создания партии руководителей крупных предприятий, фирм, банков, промышленных синдикатов. В нее могут войти мэры, губернаторы и другие ответственные лица, которые занимают большие должности как в окружении Президента, так и в аппарате премьер-министра... Хороший коньяк. Налейте, пожалуйста.

– В чем будет заключаться моя роль? – спросил сразу Станислав.

– Вам предлагается возглавить эту будущую партию.

– Мне?! То есть как?!

– Очень просто. Встать во главе ее. Не подумайте, что у нас нет других кандидатур. Их достаточно. Но на совещании большинство высказалось за вас.

- Я, конечно, польщен очень, однако не слишком много для меня?
- Я ожидал другого ответа, – признался Потапов. – Жаль. Мне казалось, что...
- Но я же не отказываюсь! – почти закричал Акимов. – Просто не ожидал такого... как бы точнее выразиться... такого доверия.
- Вы очень представительны, обладаете художественным талантом...
- Что вы имеете в виду? – насторожился Станислав.
- Ваши романы, статьи, эссе, речи. Между прочим, хорошо бы собрать речи и статьи воедино, в отдельную книгу, а мы постараемся выпустить ее в свет.
- Постараюсь собрать. Много, правда, напечатано за границей. Теперь, пожалуй, и не найдешь.
- Найдут. И переведут на русский, если кое-какие статьи вышли у вас на других языках. Вы владеете языками?
- Английским и французским, на бытовом уровне.
- Языками тех стран, в которых вам пришлось жить, – уточнил Потапов.
- Английский я знаю слабовато, а вот французский, могу похвастаться, получше. Французы даже хвалили мое произношение.
- Потапов выложил на стол кожаную папку.
- В этой папке устав, основные цели и задачи партии. Советую прочитать повнимательнее.
- Подобные документы не читают, а изучают. Хотелось бы задать лишь один вопрос.
- Задавайте.
- Как вы считаете, является ли партией «Наш дом Россия»?
- Не является.
- Судя по фамилиям людей, входящих в эту организацию, по их должностям, она могла бы стать огромной силой.
- Могла, но не стала.
- И вы, разумеется, знаете причину.
- Причина одна – деньги. «Наш дом Россия» – детище правительственное. А что взять с правительства, если оно не может даже выдать зарплату народу? Ребенок под названием «Наш дом Россия» недоношен, слаб, его плохо кормят, а потому он обречен. Задумка была неплохая, но она не удалась.
- Да, деньги – это очень важно, – согласился Акимов. – Вы ими располагаете?
- Располагаем. Финансовая мощь новой партии настолько велика, что вы, Станислав Станиславович, даже не представляете насколько. В принципе партия уже создана. Необходимо лишь официально ее узаконить.
- Я бы хотел представить, Юрий Андреевич...
- Здесь вы найдете ответы на некоторые вопросы, – хлопнул ладонью по папке Потапов. – А с глазу на глаз могу сказать следующее. В нашем распоряжении несколько популярных радиостанций, свой телеканал, известный вам как СТК, то есть Свободный телевизионный канал, мы имеем капитал за границей, который намного превышает годовой бюджет всей России. В документах, как я вам уже сказал, вы найдете списки крупнейших региональных синдикатов страны, кровно заинтересованных в создании этой партии. Достаточно?
- Дело мирового масштаба, – задумчиво проговорил Акимов.
- Только так, а не иначе! – весело ответил Потапов, оглядел комнату и предложил: – А не переменить ли вам место жительства, Станислав Станиславович?
- Я родился здесь и вырос, – тоже обводя взглядом комнату, ответил Станислав. – Мне было бы жаль...
- Поговорите с соседями. Быть может, они согласятся переехать, а за время вашего отсутствия квартира будет приведена в порядок и приватизирована на ваше имя.

– Какого отсутствия?

– Съезд намечено провести в Кисловодске. Вы приедете туда на две недели раньше. Побеседовать и познакомиться с вами поближе имеют желание многие.

– Я переговорю.

– Вот и чудненько. Спасибо за коньяк. Изучайте документацию, и до скорой встречи!

На своем веку Акимов прочел немало уставов и даже сочинял их сам. Устав РПДП в принципе ничем не отличался от других, те же сухие строчки, те же благородные задачи по спасению Родины, если бы не одно важное обстоятельство. За сухими строчками устава стояли печати и подписи руководителей крупнейших предприятий страны, известных политических деятелей и, самое главное, генеральных директоров богатейших коммерческих структур. В положениях документа ничего не говорилось об основной цели партии, но Акимов сразу понял, что целью РПДП является получение всех ветвей власти, создание государства твердого порядка, в котором править будет разум, расчет и деньги.

– Вот и грянул твой час, Станислав, – вслух произнес Акимов, налил полный фужер коньяку и залпом выпил.

В тот же день, почти одновременно со Станиславом Акимовым, проект устава Российской партии демократии и порядка прочитал другой человек, который публично заявлял чуть ли не по всем каналам средств массовой информации о беспощадной борьбе с мафией, коррупцией и организованной преступностью, секретарь Совета Безопасности России Василий Алексеевич Хвостов. Перевернув последнюю страницу, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Итак, на создание специальной следственно-оперативной группы «Пантера» немедленно последовал ответный удар криминальных структур. То, что во главе создающейся партии, под прикрытием фирм с легальными благозвучными названиями и фамилиями известных политических деятелей, крупных бизнесменов и директоров коммерческих банков, стоит мафия, секретарь не сомневался. Удар был силен, это всем своим нутром учуял Василий Алексеевич. Сила поднималась большая, темная, невидимая. И, что самое обидное, никого невозможно арестовать, посадить, отправить куда-нибудь к черту на кулички! Задачи по уставу благородные, люди, представляющие партию, именитые, к тому же в стране демократия!

«Пантера» была создана через месяц после того, как Хвостов был назначен на пост секретаря Совета Безопасности. В группу входили тринадцать следователей прокуратуры и МВД, шестнадцать оперативников, подобранных с особой тщательностью и после строжайшей проверки, и тринадцать силовиков из МВД и ФСБ. Секретарь возлагал большие надежды на эту организацию, и они постепенно начали оправдываться. Были арестованы около полутора тысяч работников милиции, большинство из которых взяли с поличным при получении взяток. В Екатеринбурге, Находке и Санкт-Петербурге были обезврежены преступные группировки, в мафиозные структуры удалось внедрить надежных людей, и те, используя ложную информацию, развязали кровавую бойню между боевиками различных мафиозных структур. Однако секретарь понимал: то были успехи временного порядка. Вместо полутора тысяч милиционеров-взяточников придут три тысячи, вместо одной преступной группировки появятся две. «Рыба гниет с головы», – любил приговаривать Василий Алексеевич и стал внимательно приглядываться к министрам, ближайшему президентскому окружению и генералам военного ведомства.

Секретарь нажал кнопку вызова и, когда на пороге возник помощник, приказал, подавая устав:

– Размножить и вручить членам «Пантеры». Завтра в двенадцать ноль-ноль жду всех здесь, в кабинете.

В двенадцать дня работники «Пантеры» собрались в кабинете секретаря. Среди них находились и начальник МУРа, полковник милиции Вячеслав Грязнов, и Алексей Петрович Кро-

тов, как всегда элегантно, по последней моде одетый, и, разумеется, Константин Дмитриевич Меркулов с Александром Турецким, ведь именно они руководили «Пантерой». Надо сказать, Меркулову и Турецкому стоило большого труда ввести в состав группы Кротова. При первом знакомстве он произвел на Василия Алексеевича неприятное впечатление. И неудивительно. Когда секретарь повысил свой и без того громоподобный голос, Алексей Петрович поморщился и вежливо попросил: «Нельзя ли потише, уважаемый Василий Алексеевич?» Хвостов на некоторое время утратил дар речи и обалдело уставился на собеседника, но под простодушным взглядом Кротова вдруг смутился. «Этого модника не возьму!» – заявил он Меркулову и Турецкому. Пришлось Константину Дмитриевичу приоткрыть секретарю некоторые подробности из секретно-агентурной деятельности Крота, объяснить, что подполковник внутренней службы Кротов – сотрудник секретной внутренней разведки МВД, и лишь тогда Василий Алексеевич пошел на попятную.

Секретарь был по-военному краток.

– Надеюсь, вы прочли проект устава новой партии и обратили внимание на организации, под эгидой которых она создается. И отлично представили себе, что в случае создания подобной партии в стране будут созданы условия для тихого переворота в пользу людей, стоящих за этими организациями и громкими фамилиями. Умному должно быть все ясно, а дураков, полагаю, среди вас нет. – Секретарь оглядел присутствующих, придвинул к себе лист бумаги. – Предлагаю следующее. «Первое. Форсировать в Государственной Думе принятие закона об ужесточении борьбы с мафией. Для этого за особо крупные экономические преступления ввести смертную казнь. Второе. Немедленно изъять огнестрельное оружие у охраны директоров коммерческих банков и заменить частную охрану работниками Министерства внутренних дел. Третье. В закон о выборах в любой государственный орган ввести поправку о запрещении выдвижения кандидатов, отбывавших заключение в тюрьмах и лагерях за уголовные и экономические преступления. Четвертое. Выявить источники средств фирм и предприятий, и в случае их незаконности возбудить уголовные дела». – Секретарь осмотрел присутствующих. – Кто не понял, текст перед вами. Вопросы есть?

– У меня два вопроса, – приподнялся Алексей Петрович Кротов. – Куда пойдет этот, вне всякого сомнения, очень важный и смелый документ?

– На стол Президента.

– И второй. Какой срок вы даете для установления источников средств?

– Тридцать дней.

– Благодарю, – ответил Кротов.

– Еще вопросы будут? – Секретарь выждал секунду. – Вопросов нет. Константин Дмитриевич, – обратился он к Меркулову, – прошу вас остаться, остальные свободны.

– Слушай, а почему он тебя не оставил? – поинтересовался Грязнов у Турецкого, когда они вышли на улицу.

– Потому что сидел рядом с тобой.

– И со мной, – добавил Крот.

– Ну что, едем к тебе? – обернулся Александр к Славе.

– Можно и ко мне.

– Заодно откупорим бутылку английского джина из ЮАР! Припухает она у тебя в холодильнике. Заждалась.

– Ты что, ясновидящий? Припухает. И точно, из ЮАР. По-моему, я ничего тебе не говорил... Как вызнал?

– Твои ребята вернули гражданину из ЮАР украденные вещички?

– А то чьи? Не твои же!

– Вот я и подумал, неужели чернокожий миллионер не отблагодарит белого человека какой-то паршивой бутылкой джина?

– О! А я-то подумал, что возникло в тебе ясновидение, – разочарованно протянул Грязнов. – А ты просто-напросто обыкновенный Шерлок Холмс! Вы с нами, Алексей Петрович?

– Если только снять пробу с джина...

– Тогда прошу, – гостеприимно распахнул дверцу машины Грязнов.

Всю дорогу до Петровки, 38, Слава и Александр подтрунивали друг над другом, подшучивали, но чувствовалось, что за пустой болтовней в их буйных головушках шла напряженная работа. Частенько, бывало, ляпнет кто-нибудь из них какую-либо скабрёзность или припомнит историчку из прошлого, и разговор внезапно переходит в иную сферу – серьёзную и деловую. Вот и теперь, после очередной шуточки, Слава спросил:

– И каким таким образом ты за тридцать дней выявишь эти самые мафиозные источники?

– За тридцать суток, – уточнил Крот.

– Секретарь выкладывает секретные данные ФСБ и подключает спецслужбы, – добавил Турецкий.

– Если только так... Приехали, – затормозил он свой джип у ворот ГУВД. – Или тебя в прокуратуру подкинуть?

– Джина пожалел?

– Для встречи со спецслужбами, – уточнил Слава.

– Вот мы обмозгуем дела-делишки в твоём кабинете под твой джин и тогда решим.

Джин, по словам Крота, оказался высочайшего качества, хотя Турецкому показалось, что он пахнет украинским самогоном.

– А документик-то ничего. Короток и ясен, – перешел к делу Грязнов. – Впечатляет.

– Главное, чтобы он произвел впечатление на Президента, – сказал Турецкий. – Но думаю мне, что он так и останется лишь на бумаге.

– Этим документом секретарь Совбеза подписал себе приговор, – произнес Крот.

– Неужели смертный? – усмехнулся Слава.

– В политическом плане – да.

– Не уверен. Секретарь – орешек крепкий!

– Был крепким и с хорошим ядром. Теперь он пуст. А пустой орешек можно и пальцами раздавить без особых усилий.

– Не скажи, Алексей Петрович, – возразил Грязнов. – Сила за секретарем стоит большая!

– Какая?

– Да разве в армии у него друзей не осталось?

– Он их растерял. Сразу после подписания унизительного мира с Чечней.

– В самом деле, – поддержал Крота Турецкий, – такой мир мог подписать любой человек и не со столь могучим басом!

– Зато люди не гибнут.

– Оттяжка времени. Заложена мина замедленного действия. Придет час, и она взорвется, – проговорил Крот, закуривая свой «Беломор».

– То, что люди не гибнут, о том и говорить нечего, прекрасно, но Алексей Петрович прав: мина замедленного действия. Ты, Грязнов, знать, забыл Бека, или того же Хана. Могут напомнить.

– У русских тоже свои «беки» имеются. Не только среди чеченцев. Я про народ говорю.

– Восток – дело тонкое, – помолчав, заметил Турецкий, достал устав, разложил на столе. – Здесь указано несколько московских фирм и банков. Может, обойдемся без спецслужб? Своими силами? Здесь, в столице?

– Я могу взять на себя банк «Финист» и фирму «Север». Кстати, директор фирмы человек честный. Всего добился благодаря светлой голове и железной хватке, – сказал Крот. – «Финистом» займутся ребята из моего отдела. Лады?

– А ты, Слава? – спросил Турецкий.

– Мне очень не нравится фирма «Восток»... Я поручу разработку своим архаровцам из первого отдела.

– Ну и бери! Чем она занимается-то?

– Цветным металлом. Но это для дураков. На самом деле гонят наркотики.

– А я, пожалуй, займусь «фармацевтом» Рыкаловым, – решил Турецкий.

– Давно пора, – буркнул Слава.

– И сегодня же работники спецслужб разлетятся по городам и весям нашей великой родины, – закончил Турецкий и посмотрел на друзей. – Мне приятно сообщить вам, что наконец-то возбуждено уголовное дело по Ставропольскому краю и вести его поручено мне.

– Убийство? – спросил Грязнов.

– Потому и приятно, что до убийства дело не дошло. Кандидату в губернаторы края Федору Степановичу Супруну удалось бежать и живехоньким прибыть прямо в кабинет Меркулова. Так что мне придется скоро отбыть на юг.

– И надолго? – поинтересовался Крот.

– Судя по обстоятельствам.

– Вероятно, вы сумеете поприсутствовать на съезде Российской партии демократии и порядка. Он состоится через две недели именно там, куда вы направляетесь.

– Кто же меня туда пустит?

– Я, как депутат съезда, могу устроить вам пригласительный билет.

– Вы – депутат съезда РПДП?! – искренне поразился Турецкий.

– А что удивительного? Я, между прочим, по легенде МУРа и ФСБ – акционер фирмы «Север». И получаю неплохие дивиденды, которые, к сожалению, начальство приходует в доход государства.

– Теперь понятно, почему вы выбрали эту фирму, – усмехнулся Слава.

– Лишь для того, чтобы доказать, что не все фирмы представляют криминальные интересы. Кстати, у меня есть весьма любопытное предложение. Для вас, уважаемый господин Грязнов.

– Слушаю, Алексей Петрович.

– А что, если вы проявите свою лояльность по отношению к новому движению? Мы будем считать это началом новой опергруппы.

– За кого ты меня принимаешь?! – возмутился Слава. – Чтобы я, сыскарь, которого весь блатной мир не скажу, что боится, но уважает, поставил свою подпись под этим дерьмом?! Да никогда в жизни!

– Не торопитесь, – спокойно ответил Крот, словно бы не заметив обращения на «ты», которого он никому не позволял. – Вначале подумайте.

– Мне думать нечего! – хлопнул по уставу Грязнов. – Каждая вторая организация – криминальная, а директора – ворье!

– Именно потому, что каждая вторая, а не все подряд, я и советую вам не торопиться.

– В этом что-то есть, – задумчиво произнес Турецкий. – Не горячись, Слава...

– И ты туда же, – укоризненно проговорил Грязнов.

– Не могу понять, какие силы не дают генеральному передать «Пантере» дела об убийствах трех кандидатов в губернаторы края и прежнего губернатора Погаляева, но уверен, что это время придет. И здесь-то, Слава, будет где разгуляться твоим архаровцам!

– У них работы и без того хватает, – пробурчал Грязнов, закулив. – У меня же не торговая фирма, а Московский уголовный розыск! Они, я имею в виду авторитетов, не дураки, не полные идиоты, чтобы к своему корыту подпускать легавых. Отлично знают, кого ловлю, кого сажаю, а кого отправляю к Богу в рай...

– Особой тайны в создании новой партии нет. Правда, особо никто и не шумит. Но, поверьте, после съезда, когда будет принято решение о создании партии, будут подключены

все средства массовой информации. И не только наши, российские, но и зарубежные. Запад ждет от России глобальных изменений как в политике, так и в экономике, – произнес вдруг небольшую речь Алексей Петрович Кротов.

– Политика меня не интересует, – заметил Турецкий.

– Очень жаль.

– Мне тоже жаль, но у меня другая профессия. Вот поручили мне расследовать дело о похищении Супруна, и я доведу его до конца. Поручат другие, тоже буду стараться... Ты что надумал, Слава?

– Не могу же я тебя одного оставить в таком месте, где убивают кандидатов в губернаторы... И что вы советуете, Алексей Петрович? Включиться в вашу секретную операцию?

– Поначалу написать заявление о согласии поддержать благородное дело о создании партии.

– Напишу, и дальше?

– Отвезете в гостиницу «Славянская», где располагается штаб по организации РПДП.

– В «Славянскую»? Да, не бедные люди занимаются созданием партии... А если от ворот поворот?

– Этого не будет. Вас примут если и не с радостью, то с большим уважением. Вы не читали устав, Вячеслав Иванович. А там написано, что любой гражданин и любая организация, внесшая посильную лепту в создание партии, имеют право на подпись под уставом. Точнее, под призывом широко включаться в деятельность партии. Этим, видимо, подчеркивается вся народность будущей партии, – улыбнулся Крот.

– Что-то не вижу я здесь подписей простых граждан, – развернул устав Турецкий.

– Я же сказал, что о создании партии особо никто не шумит. И потом, посильная лепта хотя и невелика, но все же с шестью ноликами...

– Я еще должен платить?! – возмутился Слава.

– Двести долларов, – «обрадовал» Крот. – Я заплачу за вас.

– Подписываюсь! Но, чур, согласовать мое участие с министром.

– Думаю, министр не станет возражать. Ведь проценты пойдут в кассу МВД.

– Какие еще проценты? – насторожился Слава.

– Те самые, что пойдут после подписания устава.

– И кто будет платить?

– Полагаю, что организаторы съезда. Участие МУРа будет оценено по достоинству.

– МУР должен работать на них? – помолчав, спросил Грязнов. – Никогда в жизни!

– Работать вы будете, как и всегда работали, на благо родины, – тонко улыбнулся Крот.

– Отличная идея! – подхватил Турецкий. – Над этим стоит подумать. Мы можем глубоко внедриться в эту политико-криминальную структуру.

– Кто меня туда подпустит? Знают как облупленного!

– Тебя знают, но ты же не один в МУРе, – возразил Александр.

– Люди меняются. Особенно в наше интересное время, – сказал Крот. – Я могу поработать с вами в актерском плане.

– В актеры я не гожусь.

– А если за хорошие деньги? Тем более не в собственный карман, а в доход государства...

– Если за хорошие, то можно и покумекать, – хитровато улыбнулся Грязнов.

Запищал зуммер телефона.

– Грязнов слушает! У меня. Даю. – Слава протянул трубку Турецкому. – Меркулов.

– Да, я весь внимание! Прямо сейчас бежать? Может, через часик? Понятно. Еду. – Александр положил трубку и оглядел друзей. – Торопит Константин Дмитриевич.

– После разговора с секретарем Совбеза заторопишься, – усмехнулся Грязнов. – Махни, и вперед!

- Так я и сделаю.
- Машина есть?
- Доберусь.
- Я довезу, – поднялся Крот.
- Ты же хотел дать мне уроки актерского мастерства, – напомнил Слава.
- После того, как вы подпишете устав.

Возле Прокуратуры Российской Федерации, пожимая на прощание руку Александру, Крот сказал:

- Обратите внимание, Александр Борисович, на участвовавшие поездки господина Потапова в Ставропольский край.
- Господин Потапов довольно часто ездит и в другие края и области...
- Да, но там, в других краях, не убивали кандидатов в губернаторы.
- Убийства происходили после его приездов?
- Спустя несколько дней.
- Спасибо, Алексей Петрович.
- До встречи.
- До свидания.

Меркулов уже поджидал Турецкого в своем кабинете и с ходу протянул ему лист бумаги:

- Читай.

То было собственноручное постановление Генерального прокурора России о назначении Александра Турецкого руководителем следственно-оперативной группы по расследованию четырех убийств: губернатора Погалева и трех кандидатов в губернаторы края. Полномочия руководителя были велики. В подчинение Турецкого поступали не только сотрудники московского ФСБ и МВД, но и сотрудники краевых управлений этих ведомств, включая их начальников. Турецкий имел право принимать самостоятельные решения, вплоть до самых крайних, с применением оружия.

- Доволен? – улыбнулся Меркулов.
- Радости немного, но дело-то делать надо, – уклончиво ответил Турецкий. – Смотрю, моментально созрел генеральный...
- Созреешь, – усмехнулся Константин Дмитриевич. – После такой баньки можно и перезреть. А перезрелый плод, как известно, падает.
- И баньку ему устроил секретарь Совета Безопасности...
- А то кто же? Круто взялся.
- Белая ворона в черной стае.
- Так-так, – усмехнулся Меркулов. – Осмелели... дальше некуда! Черная стая... Кто в стае-то?
- Буду считать, язык устанет!
- Сказал бы такие словечки лет десять назад, далеко бы тебя сплывили... В любопытное время мы живем.
- Времечко что надо. Ходи и оглядывайся. Чуть недоглядел, пуля в живот или кирпич на голову!
- Ну под пулей ты и в прежние времена хаживал...
- Хаживал, – согласился Турецкий. – Но в прежние времена за убийство милиционера вся кодла под вышку пошла бы! А теперь отстреливают нас, как кроликов, и ничего – сходит с рук.

- Не всегда. И ты это знаешь не хуже меня.
- Помнится, говорил ты, Костя, что основной силой существования общества является закон...

– Точно. Но на данный момент, когда законы не выполняются, в силу вступает другой закон.

– Джунглей?

– Закон возмездия.

– Понял.

– Между прочим, в деле с «королем казино» ты применил этот закон на практике – и получилось неплохо. Где они, шефы «короля»? Очень далеко. Там, где мы тоже будем, но позднее и уйдем не с таким позором, как они.

– Не все, Костя, не все. Иные греют задницы на курортах Италии, и плевать они хотели на тебя, на меня и на всю нашу жизнь!

– Дай срок, Саша, дай срок. Придет и к ним возмездие. А насчет черной стаи скажу так. Что Бог ни делает, все к лучшему.

– Бог-то Бог, да и сам не будь плох! – улыбнулся Турецкий. – Эта пословица мне как-то ближе.

– Ну а коли так, то вернемся к нашим баранам. Дело тебе дали, полномочия огромны. Работай.

– А я только и делаю, что работаю. Есть убитые, значит, должны быть и убийцы. Будем искать, но помани мое слово, Меркулов, раскрутим дело, будет удача, на крупную рыбу выйдем, но она уйдет. Вернее, ей помогут уйти.

– А ты сделай так, чтобы не ушла. Сеточку покрепче поставь.

– Поставить можно и такую, что и белуга не порвет, но с другой стороны помощнички найдутся. Полоснут ножичком, и поминай, как звали!

– Пока в черной стае кружит белый ворон, работай спокойно.

– Заклюют и не подавятся.

– Время есть. А ты поспеши.

– И когда ехать?

– А какие у тебя дела в Москве?

– Делов хватает. Ты сам знаешь: в производстве семь следственных дел!

– Дело у тебя сейчас одно – Ставрополье. Вот я и спрашиваю, сколько тебе нужно времени в Москве, чтобы передать эти семь дел другим следователям – об этом я уже распорядился.

– Между прочим, Кроту очень не нравится господин Потапов. По-моему, он его на дух не переносит. Так вот, начальник отдела внутренней разведки МВД Кротов сообщил мне, что все эти убийства, как правило, совершались после отбытия из Ставрополя господина Потапова.

– Сообщаю тебе, тоже между прочим, что Юрий Андреевич Потапов, после того как попал в президентскую команду, хотя официально и оставил деятельность бизнесмена, но на самом деле является негласным шефом фирмы «Сибирское золото». Кроме этого, он давно уже держит в руках КАКТ, Краевую акционерную компанию товаропроизводителей Ставрополья. И здесь, в Москве, поддерживает тесные связи с представителем КАКТа.

– Господином Асатрянном Гургеном Акоповичем, – уточнил Турецкий. – Колесниченко, приезжая в Москву, первым делом спешит не в какой-то там «Президент-отель», а напрямик к Гургену Акоповичу.

– И где окопался этот Акопович?

– По Горьковской дороге. Возле Медвежьих озер стоит особняк. Разумеется, из красного кирпича и при охране. По документам учреждение деловое, официальное, но официозом там и не пахнет. Гуляет народец!

– Быстренько развернулся ты, Саша, – похвалил друга Меркулов. – Денька три назад я тебе про КАКТ шепнул, а ты вон как маханул! Молодец...

– Наконец-то похвалил, – улыбнулся Александр. – Работаем, Костя. Ты приказал, мы работаем. Я же оперативные службы подключил. И ГУВД, и МВД, у них информация огромная.

– Считаю, что при таких темпах работы пяти дней в Москве тебе будет от пуза! И на передачу дел, и на сбор информации о ставропольском губернаторе.

– Срок нормальный, – подумав, ответил Александр. – Правда, хотел я прищучить «фармацевта» Рыкалова...

– Следуя приказу секретаря Совбеза, спешишь выявить источник его небывалого богатства? – усмехнулся Меркулов.

– Так точно, Константин Дмитриевич!

– По-моему, Рыкаловым занималась Лиля Федотова?

– И занимается.

– Вот пусть и продолжает в том же духе. У тебя одна задача – Ставропольский край. И дай Бог, если распутаеть хотя бы одно убийство...

– Обижает, Костя, – улыбнулся Турецкий. – Незачем тогда и ехать за тысячу верст киселя хлебать!

– С кого же начнешь здесь, в столице?

– Ты же сказал, что Супрун здесь. С него и начну. Сейчас звякну и поеду.

– Завтра утром, – решил Меркулов. – Дай отдохнуть человеку. Он, конечно, держится, но, видно, пережил немало.

– Автоматик разрешишь взять с собой в Ставрополь?

– Заберешь.

– По пути к тебе, в коридоре, Чиркова встретил. Ты что, раньше меня ему сообщил о моих полномочиях?

– О полномочиях ничего ему не говорил, а вот о твоей командировке... впрочем, нет. Он первым поинтересовался, не могу ли я посодействовать, чтобы ты взял его к себе в команду. Точно. Так и было.

– Откуда он вызнал?

– Вот и я думаю – откуда? – задумчиво произнес зампрокурора страны. – Хотя он как зональный прокурор курирует Ставропольский край и, вероятно, имеет свои каналы...

– Через кого?

– Мало ли начальников управления и старших помощников у генерального...

– Секретарь пригласил к себе Генерального или позвонил?

– Позвонил. По своему характеру секретарь Совбеза мог бы, конечно, и вытащить к себе нашего шефа, но не думаю, чтобы он так вот подхватил фуражку и побежал. Однако телефонный разговор был жестким, даже грубым.

– Словом, нахамил секретарь генеральному?

– Можно сказать и так.

– И ты думаешь, генеральный после такого жесткого разговорчика поплакался в жилетку своим помощникам? Ветерок дует со стороны кабинета секретаря. Нашлись доброхоты. Говорю тебе: белая ворона в черной стае!

– Доброхотов хватает. И не только у секретаря, – согласился Меркулов.

– Оформляй Чиркова, – сказал Александр.

– Хорошо подумал?

– Обо мне тоже говорят, что взятки беру. Валютой.

– О тебе не слыхал, а вот с Чирковым сложнее...

– Оформляй, – повторил Турецкий. – Я не только для проформы Чиркова возьму, я его, голубчика, своим ближайшим помощником сделаю.

– Далеко смотришь, – помолчав, ответил Меркулов. – Но дело это, как говорится, пахнет керосином... Не подкинет тебе Грязнов парочку своих архаровцев?

– Он и сам нагрянет, коли горячо будет. Вот Кротов Алексей Петрович точно приедет. На съезд. Для выполнения указаний своего министра.

– На съезд РПДП?

– Точно.

– Он-то что там забыл?

– Делегат. Я же сказал, по приказу министра.

– Красиво живет Алексей Петрович!

– Я ему по-хорошему завидую! Вот приеду я в Ставрополь, и каждая собака будет знать, что прибыл «важняк». А заявится Крот, и все шито-крыто. Везде у него друзья-товарищи, да не среди нашего брата, а среди того мира, куда нам вход заказан. Рассказал как-то он мне, что с самим Крестом на брудершафт выпивал!

– Загнул небось? – не поверил Константин Дмитриевич.

– Крот зря слова не выплюнет. Говорит, выпивал, значит, так и было.

– До завтра, Саша, – попрощался Меркулов. – После разговора с Супруном загляни.

– Загляну.

По пути в свой кабинет Турецкий встретил зонального прокурора следственного управления Чиркова Валерия Викторовича, который словно бы поджидал его, покуривая возле окна.

– Порядок, Валера. Едешь. Шагай к помощнику Меркулова, а потом в бухгалтерию оформляйся.

– Спасибо, Александр Борисович!

– Не за что. Не на прогулку беру. И вот что, подготовь мне статистический отчет о ставропольских делах. Убийства, бандитские нападения, иные тяжкие преступления... Учить тебя, думаю, не надо. Ты же зональный – на этом собаку съел.

– Слушаюсь.

– Ты из военных, что ли, Валера?

– Раньше работал в ГРУ.

– А заканчивал тоже военную академию?

– Военно-юридический институт.

– Выезжаем через пять дней. Будь здоров! – закончил Александр.

Много слухов ходило в коридорах Прокуратуры России о старшем прокуроре следственного управления Валерии Викторовиче Чиркове, и, надо сказать, слухи были отнюдь не из приятных. Чиркова подозревали и в получении взяток, и в причастности к утечке секретных материалов, и в знакомстве с людьми, имеющими проблемы с уголовным кодексом, однако прямых улик, порочащих его честь, не было. Что касается его знакомств с людьми, нарушающими закон, можно было сказать одно: а какой прокурор или следователь не имеет в наше время подобных знакомств, работа заставляет. Правда, знакомство знакомству рознь. Одно дело беседовать в служебном кабинете, и совсем другое – сидеть за одним столом в дорогом ресторане с подозреваемым в особо опасном преступлении. А Чирков сживал, и не раз. С другой стороны, а разве Турецкий не сидел? Бывало, и тоже не раз, и не два. Опять же, работа такая. Судя по всему, жил Чирков явно не по средствам. Турецкий особо не интересовался, но краем уха слышал, что Чирков имеет шикарную квартиру в Крылатском, добротную дачу, две машины.

Войдя в кабинет, Александр увидел свою ученицу – следователя Лилию Федотову. Когда-то у них были близкие отношения, однако давно они закончились – и поводом стало, на первый взгляд, событие вроде бы незначительное. Однажды Лилия встретила Турецкого на Тверском бульваре. Он гулял с дочкой. «Папа! – кричала Нина. – Смотри, какие цветочки! Можно сорву?!» «Нельзя, малыш. Растут себе – и пускай растут. Ты сорвешь, другая тоже захочет,

и что получится?» – терпеливо и ласково внушал дочке Турецкий. «Не будет цветочков», – ответила девочка. «Правильно, малыш. Не будет». Александр не заметил Федотову, и Лилия была этому рада. Она спряталась за деревом и долго смотрела, как уходят все дальше Турецкий и его дочка, и вдруг что-то кольнуло ее в самое сердце. Она впервые подумала о том, что Турецкий человек семейный, что у него есть своя жизнь, свои заботы, что он, в конце концов, женат и не раз говорил, что любит свою жену. Вообще-то Лилия и не строила каких-то планов насчет руководителя следственной бригады, в состав которой она тогда входила. Нет, она была женщиной свободных нравов, без предрассудков, но теперь, глядя на девочку, ей вдруг подумалось, что и ей пора иметь детей, скоро стукнет тридцать, пора и остепениться.

– Слушай, Лилия, скажи, пожалуйста, на какие такие барыши приобрел зональный прокурор Чирков хату, дачу и пару иномарок? – с ходу спросил Турецкий.

– Скажу. Об этом все знают. Кроме тебя, разумеется.

– И на какие же?

– На зарплату жены.

– Это какая же должна быть зарплата, если одна иномарка стоит около двадцати тысяч баксов?

– Бери выше – тридцать пять. У Чиркова ведь джип.

– Тем более... И где же она работает?

– Теперь не важно где, куда важнее – у кого.

– Ну и у кого?

– У Гургена Акоповича Асатряна.

– Значит, в КАКТе. Любопытно... И кем?

– Вообще-то у Елизаветы Максимовны, как и у мужа, юридическое образование. Числится она юрисконсультом фирмы на договорной основе.

– Что значит числится?

– Это значит, что зарплату как таковой она не получает, а согласно контракту платят ей проценты от сделок. И набегает прилично.

– Ну, не на джип же!

– А кто его знает? Смотря какая сделка.

– Конечно же криминальная.

– Толковый ты следователь, Александр Борисович, можно сказать с искрой Божьей, а все-таки сидит в тебе «совок», – усмехнулась Лилия. – Не обижайся. Чуть что, и сразу криминал. Тогда привлекай негласного нашего правителя. Он одних налогов заплатил сам знаешь сколько.

– Я бы привлек, да руки коротки!

– А что это ты Чирковым заинтересовался?

– С собой беру в группу, в Ставрополь. Да, ты же еще не знаешь...

– Коли в Ставрополь, то нетрудно и догадаться, о чем речь. По убийствам кандидатов?

– Да, Лилечка, да! Еду. Говорят, казачки там – конфетки!

– Подведут тебя когда-нибудь бабы, Турецкий. Помяни мое слово!

– Типун тебе на язык!

– А Чиркова брат не советую.

– Почему?

– У меня сердце вещун. Беду чувствует. Смотрю на тебя теперь и чую – не миновать беды.

– Три дня назад сосед по подъезду помер. Расскажу от чего – не поверишь, – помолчав, вдруг сказал Турецкий.

– Почему же? – возразила Лилия. – Поверю.

– Вышел он на улицу собаку выгуливать. Кругом воробьи порхают, голубки летают. Загляделся сосед на голубей, открыл рот, и... поперхнулся, захрипел, упал и умер.

– И что ему в рот попало?

– Я же говорю, голубки летали! Что, не догадываешься?

– В моем скверике тоже летают.

– Смотреть на голубков можешь, но рот не открывай, Лиля, – серьезно сказал Турецкий. – Попал соседу в рот голубиный помет, да не в то горло. Ну, и задохся.

– Вре-ошь! – рассмеялась Лилия.

Она внимательно посмотрела на Турецкого, стараясь распознать, говорит он серьезно или все-таки шутит.

– И для чего ты это мне рассказал?

– К тому, чтобы сердце у тебя не вешало. Помереть и от голубиного помета можно, особенно если держать рот открытым. А я, Лилечка, постараюсь рот держать на замке.

– Ты бессмертен, Турецкий, – помедлив, ответила Лилия.

– Это уже лучше, – улыбнулся Александр. – И еще вот что, дорогая. Дело по «фармацевту» Рыкалову придется тебе вести самостоятельно. Я от твоей бригады отключаюсь и перехожу в другую, в ставропольскую.

– Тебя конкретно что интересует?

– Фирма Рыкалова больше интересует не меня, а секретаря Совета Безопасности Хвостова. Она у него по выявлению источников доходов стоит в первом десятке.

– Доходы зависят от торговли. Они велики. Другое дело, как распределяются эти самые доходы. Здесь есть вопросы. Налоги Рыкалов выплачивает аккуратно.

– Фармацевтика дело тонкое. Сканиячки, порошочки, таблеточки... А может, в пакетиках, вместо аспирина, лежит тоже что-то белое, но со специфическим вкусом и запахом?

– Насколько мне известно, наркотиками Рыкалов не балуется.

– Сам Рыкалов, может, и не балуется, а вот маленькие «рыкалята» по всей матушке России могут соблазниться.

– Не потяну, Александр Борисович, – улыбнулась Лилия. – Велика матушка Россия!

– Тебе помогут, Лиля.

– И к кому обратиться за помощью?

– Позвонят. И весьма вероятно, что даже сегодня.

В десять утра Турецкий подъехал к дому в Лаврушинском переулке, где остановился Федор Степанович Супрун.

– Федор Степанович? – спросил Александр у мужчины, открывшего на звонок.

– Он самый. А вы Александр Борисович? От Кости?

– Угадали. Здравствуйте.

– Здравствуйте. Проходите.

Квартира была трехкомнатная, с просторным холлом, оборудованная на современный лад: обшитые деревом стены, мягкая, уютная мебель, музыкальная аппаратура.

– Давно хотелось побывать в этом доме, – признался Турецкий. – И вот довелось. Вы знаете, здесь жили почти все известные писатели – Фадеев, Паустовский, Федин, Асеев...

– Именно в этой квартире, как мне сообщили, и жил Александр Фадеев! Точно не знаю, но так сказал Юрий Игоревич... Дружок мой, землячок, – пояснил Супрун, заметив вопросительный взгляд гостя. – Директор фирмы «Машук». Не рассказывал Костя?

– Я вообще-то люблю получать информацию из первых рук, – улыбнулся Александр.

– Тогда прошу за стол! – пригласил Супрун.

– Н-да, – только и смог произнести Турецкий, оглядев стол, заставленный блюдами со всевозможными деликатесами. – На десятерых?

– Зачем? – удивился Супрун. – Обычная казачья еда. На двоих.

– Богато живут казаки, – усмехнулся Александр.

– С голоду не мрут. Но дело не только в этом. Набить брюхо можно. А вот с душой посложнее... Да что базары разводить! Садитесь. Вина, наливочки, коньячку? Нашего, ставропольского?

– Можно, – согласился Александр.

Мало– помалу они разговорились. Александр узнал, что у Супруна двое детей, жена, брат Иван, у которого и живет теперь его семья. Подробно рассказал Федор Степанович и о своем похищении, о побеге и разговоре с Меркуловым. Говорил Супрун складно, без боязни, чувствовалось, что мужик он крепкий и далеко не робкого десятка. Незаметно в разговоре они перешли на «ты».

– Не дрожат коленки, Федор Степаныч? – спросил Турецкий.

– С чего это?

– Они ведь не отстанут. Шакалы.

– Там, на моей родине, не тронут. Да и братишка уже шорох навел. Он пока конкретно ничего не знает, а коли узнает... Гляди! Ничего кулачок? – потряс кулачищем Супрун.

– Жуть!

– А у Ивана кувалда!

– Так ведь пуля – дура...

– Не посмеют. А коли посмеют, уложат их казачки. Как траву покосят.

– А есть из чего косить-то?

– Найдется. Поначалу я тоже сомневался. А после разговора с Костей понял – нет, не посмеют. И впрямь охранять будут. Сам говоришь, шакалы, а это звери трусливые.

– Не скажи. Оборзели. В том смысле, что шакалы уж слишком настырны. Четыре убийства. Наглые, откровенные и профессиональные.

– Это ты знаешь только о четырех. О тех, что в газетах печатают, а на самом деле их больше. Свидетелей тоже убирают. Да и исполнителей тоже. Соколова, что Погаляева на куски разорвал, в речке нашли. И все шито-крыто. Такие дела-делишки, Александр Борисович...

– Потому и еду. Будем разбираться.

– Ты где раньше-то был? Я, конечно, не профессионал, но и дураку ясно, разбираться-то надо было сразу после убийств, по горячим следам!

– Ваши краевые управления УВД и ФСБ на хорошем счету. Тем более что их начальники получили строжайшие приказы от своих шефов.

– Президент тоже приказывает немедленно выплатить тем же шахтерам зарплату!

– И выплачивают. Разве нет?

– Кость бросают. Как собакам! А кость откуда берут? Думаешь, из своего кармана? Отбирают у пенсионеров, учителей, инженеров, ученых! Нет, парень, неладное творится в государстве Российском.

– А ты народу подобное говорил?

– Конечно!

– И что слышал в ответ?

– Ничего не слышал. Молчат. Кузбасс далеко, Воркута далеко, там холодно, а у нас теплынь, земля такая – палку воткни, через год дерево вырастет! А может, не верят. Старик один, помню, хорошо сказал. Не дошел, говорит, еще народ до кондиции... голодный человек – зверь. Терпят, значит, не озверели. Я, говорит, поверю тогда, когда услышу, что начальников-миллионеров те же шахтеры на куски разорвали!

– Они, может, и разорвали бы, да человек с ружьем мешает...

– О чем ты говоришь?! Какой человек с ружьем... Всех сомнут.

– Ты что-то хотел сказать или мне показалось? – спросил Турецкий и, уловив вопросительный взгляд собеседника, добавил: – Насчет полученных приказов?

– Слышал я о приказах министра ФСБ и министра УВД, – неохотно ответил Супрун. – Пропускали по рюмке-другой и с начальником УВД, и с начальником ФСБ, и с самим Колесниченко. Ну и прокурор не отставал... Смотрю, хочешь ты из меня что-то выдавить, а я и не знаю что. Задавай лучше конкретные вопросы – отвечу. Я, между прочим, документы по убийству Васильева проглядывал.

– Документы по всем четырем убийствам я изучу в Ставрополе. Меня больше интересуют личные качества потерпевших. Ты был с ними знаком, Степаныч?

– Всех четверых знал. С Погаляевым общался лишь по делам служебным. Губернатор... Ближе всех знал Васильева Григория Ефремовича. Он был, пожалуй, самым сильным конкурентом Колесниченко. Доктор технических наук. Вел кафедру в институте. Да и по количеству народа на похоронах можно было судить. Много людей пришло на кладбище...

– Сколько ему лет было?

– Пятьдесят четвертый повалил.

– Дети остались, значит...

– Трое. Два сына и дочь. Сыновья взрослые, Григорий и Артем. Работают, кстати, в Федеральной службе безопасности.

– Офицеры?

– Григорий подполковника недавно получил, Артем – капитан.

– А дочь?

– Школьница. Восьмой класс. Дашенькой зовут. С моей старшей дружит, Ольгой.

– А что сыновья? Как и народ, молчат?

– Беседовал я с ними. Благо, искать не надо, в одном доме живем. На вид они спокойны, но я чую в них нечто такое, что словами не выразишь. Понял я, Саша, сыновья не простят.

– В раскрытии убийства отца они участвовали? – помолчав, спросил Турецкий.

– Олег Владимирович не разрешил.

– Макеев? Начальник ФСБ?

– Он самый. Одного включил в группу по убийству Скачко, второго по убийству Приходько.

– Формально он прав. Уголовно-процессуальный закон не разрешает. Не положено. А по-человечески... Тут уж Бог ему судья, – сказал Александр. – Что за люди были Скачко и Приходько?

– О Приходько я говорил Меркулову...

– Охранник застрелил. На даче, в собственном бассейне. Рассказывал.

– Какой еще охранник? – вопросительно уставился на Турецкого Супрун. – Впервые слышу.

Поняв, что сболтнул лишнее, Александр постарался вывернуться.

– А разве такого слушка не было в городе?

Супрун внимательно поглядел на следователя, закурил, выпустив облачко дыма.

Сведения о причастности к убийству охранника передал Турецкому Крот, но откуда он их добыл, не сообщил.

– Впрочем, это одна из рабочих версий, – пояснил Александр. – В самом деле, кто же мог пристрелить хозяина в собственном доме? Вывод напрашивается сам собой. Человек приближенный, которому хозяин доверял...

– Не Петром ли звали охранника? – перебил его Федор Степанович.

– Петром, – помедлив, ответил Турецкий.

– Фамилия Ворончук?

– Тоже верно.

– Этот Петро Ворончук погиб. В Чечне.

– Этого я не знал, – сказал Турецкий. – А как он погиб?

- А вот по этому поводу слушок шел.
- Не доехал до Чечни?
- Доехал. И даже повоевать успел. Но погиб-то не в бою! Бесславно погиб. В пьяной драке. Это все, что я знаю. Об остальном Гришу спросишь, старшего сына Григория Ефремовича. Царство ему небесное...
- Обязательно спрошу, – пообещал Турецкий. – Скачко был, кажется, бизнесменом?
- Да. Но не из гнилой братии! Если чего-то и добился, то своей головой. А голова у него была умная. Железноводск, где он дела вел, в руках держал. Там, в его родном городе, на окраине и нашли его. Живот прострелен, и в голове пуля, как у вас говорят, контрольная.
- Крупный был бизнесмен?
- По нашим меркам, крупный.
- Значит, ездил не без охраны?
- Я тоже с охранниками езжу, а вот, поди ж ты, влип!
- Ты, Степаныч, маху дал.
- В чем?
- У нас в Москве до самой квартиры провожают.
- Дом-то мой – не проходной двор, а, так сказать, для начальства. В холле дежурный сидит.
- И вероятно, муниципал?
- Одет по форме. И пистолет при нем. Вот я и думал, каким таким образом минуют эти шакалы парня с пистолетом? Ну и придумали мы светом сигналить. Я, Саша, года полтора с охраной езжу, а никак не привыкну. Иной раз и просигналить забуду, так ребятки мои через считанные минуты тут как тут у дверей!
- Пройти мимо муниципала большого ума не надо. Тем более что брал-то тебя милиционер, старший лейтенант. А для парня с пистолетом он начальник.
- Не один брал-то. Еще два лба было и девушка. Симпатичная, между прочим. Машей зовут, как и мою жену. Старлей ладно, а остальные-то как прошли?
- Подумаешь, – отмахнулся Турецкий. – Не один ты живешь в начальственном доме. В гости пришли, скажем, к дочке того же начальника УВД или ФСБ!
- Гостей у нас принято приглашать через дежурного. С документами.
- Значит, прошли по документам, конечно, по приглашению. Вероятно, проверяли?
- У младшего сына Артема спросишь.
- Я поинтересовался делами об убийствах у зонального прокурора, курирующего ваш край. Следственное управление краевой прокуратуры пришло к выводу, что убийство совершено в результате разборки. Оказывается, Скачко был поставлен на счетчик...
- Какой, к лешему, счетчик?! Скачко никому ничего не был должен! Это я точно знаю, – перебил Супрун. – Конечно, проще всего свалить все на покойника. Мертвые сраму не имут... Покуда Скачко не был кандидатом, все было тихо и спокойно. Ни разборок, ни счетчиков!
- Ты-то сам, Степаныч, что об этом думаешь? – помедлив, спросил Турецкий.
- То же спрашивал Костя. И я ему ответил: мол, сам смекай, кому это выгодно. Если убивают кандидатов в губернаторы, то выгодно это одному человеку – действующему губернатору. Так я ему и заявил.
- И что на это ответил Константин Дмитриевич?
- Погоди, – подумав, ответил Супрун. – Это Костя мне сказал, что прямая выгода от убийства приходится на губернатора, хотя, разумеется, не он лично убивает. А я в ответ, что это, мол, его люди.
- Это уже обвинение, Федор Степанович. И весьма серьезное. Я бы на вашем месте с выводами не спешил, пока железных улик не собрали, – сказал Турецкий.

– Может быть, сам Колесниченко и не посылает киллеров на мокрые дела, но то, что он в лапах, и очень цепких, это точно.

– Уже теплее, – оживился Александр. – Я, признаться, успел лишь ознакомиться с биографией Колесниченко, и то в общих чертах, но о его друзьях-товарищах совершенно ничего не знаю. Может, просветишь?

– По-моему, у людей типа Колесниченко друзей быть не может.

– И какого же типа Колесниченко?

– Ты посмотри, Саша, какую карьеру он сделал! И всего-то за пять лет! Из директоров стройучастка прыгнул в мэры Пятигорска... Ты бывал в Пятигорске?

– Приходилось.

– Золотое дно для умелых людей! А умельцем Николай Михайлович оказался толковым. Годик поцарствовал, а наворочал столько, сколько другому и за десять лет не осилить. Пойди теперь сунься в санаторий! Хрен с два! Нет их, санаториев-то! Кабаки, казино, конторы, банки. И все это добро принадлежит не трудовому народу, не-ет, частнику. Из мэров он прямым ходом в Москву, в Государственную Думу! А там, видать, обзавелся связями – и снова в родные края. Считаю, отгубернаторствовал. Приедешь – увидишь.

– Представляю. Кабаки, казино, конторы, банки... Чему ты удивляешься, Степаныч? Не только в Ставрополе такая картина. Во всех крупных городах.

– И что в этом хорошего? Предложили бы тебе сейчас, Федор Степаныч, очутиться в том, советском времени. Согласился бы? – помолчав, спросил Турецкий.

– Нет.

– Почему?

– Так сразу и не ответишь...

– И я бы не согласился.

– В те последние годы в больших кабинетах стало дурно пахнуть, – произнес Супрун.

– Чем?

– Могилой. Чего смеешься? Правду говорю. Заходишь, предположим, к первому. Сидит. Как правило, в конце длинного стола. И кажется ма-аленьким, хрупеньким, хотя на самом деле человек как человек. А это потому, что стол километровый, опоясанный одинаковыми стульями. И не поднимется даже, гад! Махнет ручкой, подойди, мол. И запах в кабинете, повторяю, трупный. И сидит этот человечек и год, и два, и десяток лет, а то и не один. Поневоле протухнешь. Озолоти, не вернись в прежние времена! Он сидит, а по полям свиньи гуляют! Да не по пустым полям. Выпускали мы, Саша, свиней на помидорные поля. Транспорта нет, о холодильниках уж молчу, их и в помине не было, а жара несусветная, текут томаты. Вот и выпускали. Все какая-то польза. А сливы взять, абрикосы! Бульдозерами в рвы стаскивали! А ему, тому, кто за столом сидит, Героя на грудь! Урожай-то и впрямь небывалый!

– А теперь как?

– Теперь, Саша, машины за помидорами в очередь стоят. И непростые. Почти все с холодильниками.

– Значит, правильным путем идем, товарищи!

– На цены погляди. Я глянул на московские прилавки и ахнул. Семь-восемь тысяч! А у нас-то они с полей берут по тысяче двести!

– Люди кавказской национальности, – то ли спросил, то ли уточнил Турецкий.

– Они. Лихой народец...

– А из твоего хозяйства они тоже вывозят?

– Вывозили. Тряхнули мы мошной, в долги залезли, но приобрели собственные машины с холодильными установками. Теперь сами возим. В том числе и сюда, в Москву.

– Знаю. Фирма «Машук», – сказал Турецкий.

– Эта квартира тоже числится за фирмой.

– И как на это смотрит КАКТ? Особенно генеральный директор господин Юсин, он же Миша Муссолини?

– Косо смотрит.

– А Колесниченко?

– Колесниченко меня поддерживает. Если бы не он, думаю, гореть бы мне синим пламенем!

– Мы отвлеклись от темы, Степаныч. Итак, нет друзей у Николая Михайловича. Но ведь с кем-то он проводит свободное время?

– Бывало и со мной, пока я не стал кандидатом.

– Меня интересуют его отношения с прокурором края Власенко, начальником краевого управления ФСБ Маркушей и начальником краевого УВД Макеевым? – прямо спросил Турецкий.

– Очень хотелось бы тебя обрадовать, выложить, так сказать, на стол вещественные доказательства, но их у меня, к сожалению, нет.

– А я тебя и не просил об этом, – усмехнулся Александр.

– Что касается отношений, то они приятельские. Так, по крайней мере, мне показалось.

– Твое замечание о доказательствах меня заинтересовало...

– Губернатор, прокурор, оба начальника – власть края. И если эта власть не может раскрыть ни одного убийства, согласись, это наводит на мрачные мысли...

– Посмотрим с другой стороны, – сказал Турецкий, вытаскивая из нагрудного кармана фотографию.

– Не знаю, кто это, – приглядевшись к фотографии, ответил Супрун.

– И не разу не видел? Приглядишься, Степаныч.

– Нет. Не видел. На зрительную память я не жалуюсь. Мельком увижу человека и, если понадобится, могу припомнить, где и при каких обстоятельствах я его встретил.

– А вот Колесниченко и все три начальника встречались с этим человеком. И не где-нибудь, а в Ставрополе. И не раз. Потапов Юрий Андреевич. – Постучал по фотографии Турецкий.

– Минутку! Значит, это и есть господин Потапов...

– Он самый.

– Слышал о его приездах. Но познакомиться не сподобился.

– Не сподобили тебя, Степаныч! Не нужен ты был ни губернатору, ни начальникам, ни самому Потапову, потому для них ты чужак. И даже опасный.

– Он же из президентской команды...

Турецкий хотел было сообщить Супруну, что ранее пребывал господин Потапов в местах не столь отдаленных, но глянул на собеседника и решил не огорчать его. Верит, видно, человек представителям президентской команды, ну и пусть себе верит, до поры до времени. Александр снова положил фотографию в карман.

– Александр Борисович, а для чего ты фотографию такого человека с собой таскаешь? Неужели... – начал было Федор Степанович, но Турецкий перебил его:

– Тебе известно, что мой бывший шеф, два года исполнявший обязанности Генерального прокурора России, сидит в Лефортовской тюрьме?

– Газеты читаем, телевизор смотрим, – улыбнулся Супрун.

– А ведь тоже был видным представителем президентской команды, как, впрочем, и бывший охранник Президента, и экс-руководитель ФСБ, и уволенный вице-премьер, и многие другие рангом пониже. – Турецкий посмотрел на Супруна и улыбнулся. – Не переживай, Степаныч. Прорвемся. – Он посмотрел на часы. – Меркулов просил тебя подъехать. Могу подкинуть.

– Ты на машине?

- Да.
- А как же? – Супрун выразительно щелкнул по горлу. – Нарушаешь.
- Понимаю. Нехорошо. Но что теперь делать?
- Едем.
- Прибраться бы надо, – кивнул на стол Александр.
- Приберут. Соседка, вдова писателя, порядок наводит. Сам понимаешь, пенсия с гилькин нос. Мы ее не обижаем.
- Квартиру открывает своим ключом? – поинтересовался Турецкий.
- Да, ключ у Галины Николаевны есть.
- А я предполагал, что хата глухая, а у вас проходной двор, – недовольно пробурчал Александр.
- Женщина она приветливая, добрая. Если всех подозревать, так лучше и не жить!
- Доброта да простота нас и губят, – все еще недовольно продолжал Турецкий. – Лучше бы вдова эта мегерой была! Бабой-ягой! Не интересовался, частенько ли собирает гостей в этой квартирке твой Юрий Игоревич?
- Человек он замкнутый. Убежденный холостяк. С женщинами не водится.
- Это плохо, – назидательно ответил Александр. – Женщин надо любить. Для этого их и Господь создал...
- Открывая дверцу своей машины, Александр привычно и незаметно оглядел автомобили, стоявшие неподалеку. Наметанный глаз его скользнул по затемненным окнам «мерседеса» вишневого цвета. Сквозь переднее стекло неясно виднелась фигура водителя и головы двоих мужчин, сидевших сзади. Турецкий тронул машину и, проехав немного, заметил через боковое стекло мягко плывущий за ним «мерседес». Это могло быть случайностью, но профессиональное чутье подсказывало Александру, что это вовсе не случайность. И он решил проверить. Миновав Большую Полянку, он выехал на Садовое кольцо, проехал по мосту, свернул направо и помчал по набережной Москвы-реки в сторону Лужников. «Мерседес» не отставал.
- Саш, а ты ведь не туда едешь, – сказал Супрун. – Я хоть и плоховато столицу знаю, но вижу, не туда едем.
- Обернись. Видишь «мерс»?
- Ну?
- На хвост сел. От самого писательского дома.
- Ну и что делать будем? – спросил Федор Степанович.
- Вместо ответа Турецкий свернул в первый ближайший переулок, но и «мерс» мимо не проскочил.
- У тебя пистолет с собой, Саша? – почему-то перейдя на шепот, спросил Федор Степанович.
- И что ты сделаешь с этой пукалкой? – хлопнул себя по боку Турецкий. – У них, может, «стингер» есть? Или это друзья твои?
- Да ты что?!
- Ты смотри, давят и давят, гады! Как считаешь, чего им надо?
- Видно, решили довести дело до конца. В Ставрополе не угробили, так здесь хотят.
- Не то, Степаныч, не то, – возразил Турецкий. – Если бы они всерьез захотели тебя убрать, давно убрали бы.
- Да откуда им знать, что я в Москву рванул?
- А как же, на всякий случай проверили. Сам видишь, висят... Квартирка, где ты мог остановиться в Москве, надо полагать, ими давно вычислена. Так что, Степаныч, ночевать ты сегодня будешь в другом месте. А денька через четыре поедem мы с тобой в твой родной южный край!
- Едут. Не отстают, – посмотрев назад, убедился Супрун.

– А им любопытно, куда мы так спешим-торопимся. Интересно, что за людишки сидят в «мерсе»?

– А ты сообщи на ближайший пост ГАИ. Пусть тормознут.

– Бесполезно.

– Почему?

– По номеру вижу, что машина из гаража ба-альшого начальства. А потому пошлют они гаишника куда подальше!

– Обязаны остановиться, – настаивал на своем Супрун.

– Мы по-другому сделаем, Степаныч, – вытаскивая свой сотовый, ответил Александр. – Слава! Привет. Еду по Комсомольскому. Минут через пять буду возле тебя. Висят у меня на хвосте какие-то хмыри. Вишневый «мерседес»... Все. Теперь поглядим-посмотрим, – улыбнулся он Федору Степановичу.

Выехали на Пречистенку. Турецкий сбавил скорость. Впереди пару раз мигнули задние фары джипа Грязнова. Проезжая мимо джипа, Турецкий помахал Славе рукой. Джип, опередив «мерседес», почти вплотную пристроился к «Ладе» Турецкого. «Лада» внезапно набрала скорость и нырнула в ближайший переулок. Джип рванул следом, но через несколько метров резко затормозил: перед ним поперек дороги стояла фура. Водитель «мерседеса» успел среагировать, но все-таки слегка толкнул джип бампером. Грязнов неспеша вышел из машины.

– Вот и все, – сказал Турецкий.

– Да-а, – протянул Федор Степанович. – Лихо! Отработанный трюк.

– Теперь Слава очень внимательно осматривает задний бампер своего джипа, – рассмеялся Турецкий. – И наверняка найдет небольшую царапину. Интересный разговор сейчас с мужичками из «мерса»! И как пить дать обует их Слава тысчонок на пятьсот!

– Машина-то большого начальства, – напомнил Супрун.

– Да и эта принадлежит не нашему начальству. Уродовать машины стоимостью тридцать пять тысяч баксов никому не позволено, – ответил Александр. – Тем более если она из гаража управления внутренних дел.

– Дружок твой?

– Друг, – серьезно ответил Турецкий. – До гроба. И между прочим, врио начальника Московского уголовного розыска.

«Лада» снова выскочила на Садовое и вскоре затерялась в потоке машин.

Охранник, которого профессионально уложил Федор Степанович Супрун, пришел в себя быстро, пошатываясь и держась за голову, поднялся. Огляделся и конечно же немедленно обнаружил, что остался без оружия. Был охранник родом из казачьей станицы Татарки, известной по всему краю как место, откуда вышло немало лихих людей, а попросту сказать, бандитов. Звали охранника Леонидом по фамилии Гришук, но местные знали его под кличкой Коршун.

Итак, обнаружив пропажу автомата, Коршун затосковал. Он отлично понимал, что придется отвечать и платить по-крупному, может, даже головой, а потому медлить не стал и дал деру.

Тем временем спохватились и старлей с Митьком.

– Что-то не видать его, – кивнул на экран старлей. – Сбегай глянь.

Митек вернулся моментально.

– Ушел, падла! – испуганно проговорил он, появляясь в проеме дверей.

– Не шути, Дмитрий, – бледнея, сказал старлей. – Хорошо поглядел?

– Такого слона да не заметить?! – выкрикнул Митек. – Нету! Пусто!

Старлей кинулся из комнаты, следом за ним Митек. Они обежали весь дом и, разумеется, никого не нашли. Вышли на улицу.

– Коршу-ун! – заорал старлей. – Коршу-ун!

Ответом было полное молчание. Парни побежали к проходной.

– Та-ак, – протянул старлей, обшаривая взглядом проходную. – Ну и где же твой землячок, Митя?

– Ленька-а! Грищу-ук! – в свою очередь заорал Митек. – Эге-гей! Ленька-а!

– Ты кого мне подсуропил, Митя? – ласково обратился старлей к приятелю. – Ты мне мента подсуропил.

– А ты кто?! – взъярился Митек. – Не мент, что ли?!

Справедливый вопрос Митька, видимо, обескуражил старлея, и он взял себя в руки.

– Далеко не ушли, – сказал он. – Надо взять. Не возьмем, нам хана.

– Ты о чем, старлей? – удивленно спросил Митек. – Чтобы Коршун ушел вместе с этим фраером?! Да никогда в жизни!

– Ладно, – решил старлей. – Идем.

– Это же Коршун! – не мог успокоиться Митек, еле поспевая за старлеем. – Его в Татарке каждая собака знает! Да чтобы он...

– Заткнись! – оборвал парня старлей. – Куда он мог податься? У него два пути. Или на станцию, или в сторожку к леснику... Куда двинем?

– Пожалуй, на станцию. Ему рвать надо отсюда побыстрее. А в сторожке что делать?

– На станцию, но через сторожку, – решил старлей, прибавляя ходу.

Лесник Гаврюша сидел за столом и распивал чай, когда в сторожку влетели старлей и Митек.

– Здорово, Гаврюша!

– Здорово, здорово, – откликнулся старик. – Откуда свалились? От вас, мужики, пар валит, будто от лошадей! Чего потеряли?

– Не заходил к тебе гость, Гаврюша?

– Смотря кто...

Старлей замялся, не хотелось ему выдавать секрет.

– Ты должен понимать, Гаврюша, – солидно начал объяснять старлей. – Иной раз и невозможно назвать имя-отчество. Уж про должность молчу. Кто заходил-то?

– А я и не спросил. Зашел, покурил и угребся на сеновал. Спать.

– Он здесь? – не сразу спросил старлей, боясь поверить такому везению.

– Здесь. Небось дрыхнет. Умаялся человек. Тут уж не до расспросов. Вот выпитися, отдохнет – и поговорим, чайку попьем, а возможно, чего и покрепче...

– Где твой сеновал? – рявкнул старлей.

– Ты чего орешь? – повысил голос лесник. – Нехорошо, парень. Ты в дом зашел, не куда-нибудь.

– Извини, – тихо произнес старлей. – Где твой сеновал?

Старик молча ткнул пальцем в окно, сквозь которое виднелось небольшое низкое строение.

Старлей и Митек бросились вон из сторожки. И видел старик, как они подбежали к сеновалу, взяли на изготовку оружие и скрылись. Вернулись они скоро, через пару минут и, не заходя в сторожку, пошли прочь. Вышел из сеновала маленький мужичонка, закурил, глядя вслед непрошеным гостям, потом сплюнул и поплелся досыпать.

– Слышь, старлей, до ближайшей станции отсюда не меньше десяти километров. Мы что, пешком попылим? – уныло спросил Митек.

Старлей не ответил.

– Вернемся, в машину – и вперед, – не отставал Митек. – Обратно надо.

– А я куда?! – рассвирепел старлей. – Говорил, пулю в лоб – и баста. Так нет! Сделали по-своему!

Подходя к вилле, они услышали стрекот вертолета, а вскоре увидели и сам вертолет, шедший на посадку.

– Летят, – обреченно сказал старлей. – Держись, Митя!

– Я, пожалуй, уйду, старлей...

Старлей посмотрел на товарища и, видимо, что-то решив про себя, вытащил пистолет.

– Брось оружие, Митя, – приказал он.

– Ты чего, старлей? Ты чего? – забормотал Митек.

– Быстро!

Митек бросил пистолет, который старлей поймал на лету.

– Ты чего задумал, старлей? Ты что, на меня бочку катишь?

– Отвечать будем вместе, но твоя вина, Митя, большая.

– Рванем, старлей! Ты знаешь, у них разговор короткий! – глядя на вертолет, сказал Митек.

– Заткнись! – оборвал его старлей.

Вертолет сел на бетонную площадку недалеко от особняка.

– Если прилетел Муссолини, нам хана, старлей, – поспешая за товарищем, ныл Митек. –

Вернул бы ты мне пушку!

– На кой? – не оборачиваясь, спросил старлей.

– Пропадать, так с музыкой!

– Не трусись, Митек! – улыбнулся старлей. – Без музыки не пропадем!

Двигатель вертолета умолк, и стало тихо. Из вертолета спустился один-единственный человек, губернатор Николай Михайлович Колесниченко. Глянув на подошедших охранников, он сразу понял: что-то случилось.

– Добрый день!

– Здравствуйте, – ответил старлей и с ходу бухнул: – Ушел! Наша вина!

Реакция губернатора была неожиданной. После некоторого молчания он облегченно рассмеялся:

– Молодец! Тогда до свидания, господа хорошие!

И губернатор пошел к вертолету.

– А нам-то что делать?! – крикнул старлей.

Губернатор обернулся, оглядел охранников.

– Что хотите. И запомните, я вас не видел, вы меня тоже. И вообще, здесь никого не было. Пока!

Тишину взорвал рев двигателя, и вертолет начал медленно подниматься. Пригнулись травы, зашелестели листья на деревьях. Забирая на левый борт, вертолет вскоре скрылся из глаз.

– Держи, – тускло произнес старлей, бросая пистолет приятелю. – И жди событий.

Они зашли в особняк, присели за стол.

– Наливай! – приказал старлей.

Не успели выпить по первой, как затрезвонил телефон.

– Докладывай, – пробасило в трубке.

– Вместе с гостем исчез Коршун.

– Сговор?

– Не знаю. – Старлей посмотрел на Митька и добавил: – Не думаю.

– Коршуна найдешь. Об остальном после. Все.

– Кто звонил-то? – спросил Митек.

– Не все ли равно, – отмахнулся старлей. – Куда может махнуть Коршун?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.